

МОЛИТВА

СВ. ЕФРЕМА СИРИНА.

МОЛИТВА

СВ. ЕФРЕМА СИРИНА.

БЕСѢДЫ

на Святую Четыредесятницу.

ХАРЬКОВЪ.

ВЪ УНИВЕРСИТЕТСКОЙ ТИПОГРАФИИ.

1844.

Печатать позволено: 5 Июня, 1844 года. Московская
Духовная Академія.

Цензоръ, Виѣнскаго Семинаріи Ректоръ,
Архимандритъ *Филогей*.

С Л О В О

ВЪ СРЕДУ ПЕРВЫЯ НЕДѢЛИ ВЕЛИКАГО ПОСТА.

Господи и Владыко живота моего, духъ праздности, унынія, любовначалы и празднословія не даждь ми!

Духъ же цѣломудрїи, смиренномудрїи, терпѣнїи и любви даруй ми, рабу твоему.

Ей, Господи Царю, даруй ми зрѣти моя прегрѣшенїя, и не осуждати брата моего, яко благословенъ еси во вѣки вѣковъ!

Не безъ особенной причины, брат. мои, молитва сія такъ усвоена святому и великому посту, что многократно повторяется на каждомъ Богослуженїи. Безъ сомнѣнїя, это сдѣлано св. церковїю потому, что при всей крат-

кости сей молитвы, въ ней сокрыто великое богатство святыхъ мыслей и чувствъ и весьма ясно изображены наши нужды духовныя. — Посему мы поступимъ соответственно намѣренію св. церкви и нашей духовной пользы, если обратимъ сію молитву въ предметъ нашихъ собесѣдованій, и рассмотримъ порознь каждое прошеніе, въ ней заключающееся. Такимъ образомъ откроется предъ нами цѣлый ликъ святыхъ добродѣтелей, коими должно украшать свою душу каждому, и явится цѣлое темное полчище грѣховъ и пороковъ, отъ коихъ надобно беречь свое сердце.

И безъ напомнанія, вѣроятно, извѣстно многимъ, что это молитва св. Ефрема Сирина. Въ дополненіе къ сему, скажемъ, что св. Ефремъ принадлежитъ къ числу

величайшихъ подвижниковъ благочестія , кои украшали собою древнюю Церковь Христіанскую. Человѣкъ онъ былъ по плоти, но Ангелъ по духу и совершенствамъ. Отъ самыхъ юныхъ лѣтъ св. Ефремъ оставилъ міръ и вселился въ пустыню, гдѣ долго-временное пребываніе — безъ наставниковъ содѣлало его учителемъ Востока и свѣтиломъ вселенныя. Самымъ любимымъ предметомъ и созерцаній и поученій Ефремовыхъ было — покаяніе. Церковь Сирская, къ коей принадлежалъ онъ по мѣсту обитанія, имѣла въ немъ все — и учителя Вѣры, и обличителя нравовъ, и питателя во время глада, и чудотворнаго врача отъ болѣзней, и защитника отъ еретиковъ и язычниковъ. Всеобщее уваженіе за всѣ сии добродѣтели, еще при жизни св. Подвижника, прости-

ралось до того, что поученія его читались по Церквамъ непосредственно за св. Писаніемъ.

Изъ такого то ума и сердца произтекла молитва, нами разсматриваемая, — изъ ума Богопросвѣщеннаго, — изъ сердца, пламенившаго любовію къ Богу и ближнимъ, совершенно очищеннаго и освященнаго Благодатию.

И въ молитвѣ своей, какъ въ душѣ и жизни, св. Ефремъ простъ и безъ-искусственъ. Онъ молится и располагаетъ всѣхъ насъ молить Господа во первыхъ объ удаленіи отъ насъ душевредныхъ пороковъ, во вторыхъ о испосланіи вмѣсто нихъ Боголюбезныхъ добродѣтелей, предполагая, что и пороки не удалятся отъ насъ, и добродѣтели не придутъ къ намъ безъ особеннаго содѣйствія силы Божіей.

Такое чувство ненадѣянiя въ дѣлѣ спасенiя на свои силы и призыванiе на помощь Благодати Божiей есть отличительное свойство нравственности Христiанской. Гордый язычникъ говорилъ самонадѣянно: пусть дадутъ мнѣ боги честь, богатство, здравiе, а добродѣтель я самъ себѣ достану; но откуда была у него сiя пагубная самонадѣянность? Оттого, что язычникъ не зналъ хорошо грѣховнаго растлѣнiя природы человѣческой и ея безсилiя духовнаго, не понималъ свойствъ самой добродѣтели, ограничивая ее одною внѣшнею честностию. Просвѣщенный свѣтомъ Евангелiя Христiанинъ напротивъ ясно видитъ, какъ падшiй человекъ не способенъ самъ по себѣ и помыслить, не только совершить что либо истинно доброе, какъ грѣхъ и зло

до того проникли въ нашу душу, что овладѣли самымъ внутреннимъ источникомъ мыслей и чувствъ; ясно видѣть также съ другой стороны, чего требуется отъ добродѣтели, дабы она была совершенно чистою и благоугодною не предъ очами только человѣческими, а и предъ очами Божиими, что для сего необходима не блестящая токмо наружность, часто прикрывающая собою одну тайную гордость и своекорыстіе, а искренняя любовь къ добру, совершенное послушаніе воли Божіей и закону совѣсти, съ отверженіемъ всѣхъ разчетовъ самолюбія; видѣть, говорю, все сіе Христіанинъ и, признавая въ себѣ невозможность освободиться собственными силами отъ яда грѣховнаго, стяжать собственными средствами добродѣтель столь чистою и совер-

шенную, падаетъ въ смиреніи предъ престоломъ Благодати и восклицаетъ: Господи и Владыко живота моего, духъ праздности, унынія, любоначалія и празднословія не даждь ми! Духъ же цѣломудрія, смиренно-мудрія, терпѣнія и любви даруй ми, рабу твоему!—Если ты, всеблагій и всемогущій, Самъ не затворишь бездонныхъ хлябій зла, во мнѣ гнѣздящагося; то, при всѣхъ усиліяхъ моихъ, онѣ вѣчно будутъ источать потокъ худыхъ мыслей и дѣяній, наводнять нечистотою мою душу и сердце. Если ты, всесвятій и праведный, Самъ не поставишь меня на путь правды и истины, не утвердишь на камени заповѣдей твоихъ колеблющіяся стопы мои; то я вѣчно буду претыкаться и падать, всегда буду собираться идти къ тебѣ и не тронусь съ мѣ-

ста, тѣмъ паче не достигну той цѣли возжеланной, которая предназначена мнѣ Твоею премудрою любовію.

Нельзя такъ же, братъ мой, не остановиться вниманіемъ на самомъ выраженіи, которое употреблено св. Ефремомъ въ его молитвѣ. Онъ молитъ Господа не о томъ только, что бы отъ него были удалены пороки, и что бы ему поданы были добродѣтели, но что бы онъ освобожденъ былъ отъ самаго духа сихъ пороковъ, что бы ему ниспосланъ былъ самый духъ сихъ добродѣтелей. Такъ люди духовные во всемъ созерцаютъ духа, тогда какъ люди плотскіе въ самыхъ духовныхъ предметахъ видятъ не рѣдко одну плоть! Что же здѣсь называется духомъ пороковъ и духомъ добродѣтелей? Толи, что мы обыкновенно называемъ такимъ то порокомъ

и такую то добродѣтелю, или что либо другое, большее?—

Не погрѣшимъ, если скажемъ, что св. Ефремъ, моляся объ отгнаніи отъ него духа праздности, унынія и любоначалія, и о дарованіи ему духа цѣломудрія и смиренномудрія, имѣлъ въ виду дѣйствительныхъ духовъ, — въ первомъ случаѣ — духовъ темныхъ и злыхъ, въ последнемъ — духовъ добрыхъ и свѣтоносныхъ. Человѣкъ, по ученію св. писанія, постоянно находится между двумя мірами: горнимъ — свѣтоноснымъ, и дольнымъ — мрачнымъ и діавольскимъ. Тотъ и другой міръ дѣйствуютъ на него непрестанно и ведутъ между собою брань за него. Міръ ангельскій дѣйствуетъ на человѣка тѣмъ, что охраняетъ, поддерживаетъ, укрѣпляетъ его на пути покаянія

и добродѣтели, вдыхая благія мысли и чувства, сообщая духовную силу и крѣпость. Міръ діавольскій дѣйствуетъ тѣмъ, что старается свратить человѣка съ пути правды, удержать въ плѣну страстей и порока, вдыхая для сего въ его душу и сердце все нечистое и богопротивное. Не удивительно послѣ сего, если каждая добродѣтель имѣетъ своего духа чистаго, который,— по преизбыточествующей силѣ сей добродѣтели въ немъ самомъ, становится особымъ руководителемъ для человѣка, къ ней стремящагося. Не удивительно, если и каждый порокъ имѣетъ своего духа тьмы, который также, можетъ быть, по преизбыточествующей силѣ сего порока въ немъ самомъ, становится споспѣшникомъ его для людей грѣшныхъ. — Сихъ-то духовъ, яко

начало-вождей добра и зла, видитъ чело-
вѣкъ Божій своимъ богопросвѣщеннымъ
окомъ, и молитъ Господа о ниспосланіи ему
свѣтоносныхъ духовъ добродѣтели и объ
удаленіи отъ него темныхъ аггеловъ грѣха.

Кромѣ сего каждая добродѣтель, коль
скоро утвердится въ челоуѣкъ, и каждый
порокъ, коль скоро овладѣеть имъ, обра-
зуютъ изъ себя самихъ свой духъ, по виду
своему. Этотъ духъ добродѣтели слыше
и свѣтоносше, нежели самая добродѣтель;
этотъ духъ порока мрачше и злше, нежели
самый порокъ. Какъ образуется въ душѣ
этотъ духъ? — Такъ же какъ въ вещахъ
чувственныхъ. Наполните комнату какими
либо вещами и оставьте ихъ тамъ на долго:
въ комнату образуется духъ сихъ вещей,
такъ что если вы и вынесете ихъ, духъ

сей останется надолго. Если наполните веществами благовонными, то останется благовоніе; если зловонными, то зловоніе. Такъ бываетъ и съ душею, когда она наполняется извѣстнымъ какимъ либо видомъ добродѣтелей или пороковъ: въ ней образуется духъ господствующей добродѣтели, или духъ любимаго порока. — Кто напр. теперь, въ продолженіи св. поста, потрудится не лѣнностно постяся, у того, и по окончаніи постныхъ дней, останется духъ поста, и содѣлаетъ его трезвымъ и воздержнымъ во всемъ. Кто напротивъ въ прошедшіе дни предавался много роскоши и сладострастію, изъ того и св. постъ не вдругъ можетъ изгнать духа чувственности и плотугодія, такъ что онъ и среди духовныхъ предметовъ, въ минуты самыя священныя,

будеть возмущаться отъ воспоминаній и мыслей плотскихъ. — Вообще борьба съ духомъ порока гораздо труднѣе, нежели съ самимъ порокомъ. Порокъ можно тотчасъ оставить, но духъ порока не скоро оставить тебя: надобно долго сражаться, долго подвизаться и терпѣть, что бы освободиться отъ него. —

Все сіе, безъ сомнѣнія, имѣеть въ виду св. Подвижникъ Христовъ, и посему просить у Господа совершеннаго освобожденія отъ зла, совершеннаго очищенія своего духа и тѣла, совершеннаго уничтоженія въ природѣ своей закваски грѣховной.

Подражая сему, не остановимся и мы, брат. мой, на поверхностномъ очищеніи души нашей посредствомъ исповѣди отъ нѣкоторыхъ токмо, видимо злыхъ и богопротивныхъ

дѣль. Что пользы отсѣкать вѣтви, когда остается корень зла? Благоразумно ли убивать одну большую змѣю, когда десять малыхъ готовы на ея мѣсто? Вооруженные духомъ ревности по Бозѣ и своемъ спасеніи, проникнемъ до самаго исходища зла въ душѣ нашей и постараемся истребить его совершенно. Для насъ самихъ это было бы не возможно: но мы имѣемъ всемогущую благодать Божию, предъ коей вся нага и откровенна, вся возможна и удобна. Когда мы усердною молитвою низведемъ сію Благодать въ свою душу, предадимъ ей сердце свое, и дадимъ безпрепятственно дѣйствовать въ насъ и врачевать недуги наши; то бездна тьмы и зла, насъ обуревающая, раздѣлится; явится суша—твердое хожденіе въ заповѣдяхъ Божіихъ, возсіяетъ надъ

нами свѣтъ лица Божія, создастся сердце новое, обновится духъ правый; и мы вообразимся прежнею, первобытною добротою невинности и правды, еже буди со всѣми нами Благодатию Христовою!—Аминь.

С Л О В О

ВЪ ПЯТОКЪ ПЕРВЫЯ НЕДѢЛИ ВЕЛИКАГО ПОСТА.

Господи и Владыко живота моего, духъ праздности
не даждь ми!

Можно было ожидать, что великій Подвижникъ Христовъ начнетъ свою молитву прошеніемъ объ удаленіи отъ себя какого либо другаго порока, а не праздности; потому что праздность, по обыкновенному понятію, не есть что либо важное и опасное. Нѣкоторые готовы почитать ее даже за состояніе завидное. Но, человекъ Божій смо-

трить на вещи иначе; видитъ въ праздности перваго врага своему спасенію; и потому первѣе всего молить Господа объ освобожденіи отъ него.

Но что худаго дѣлаетъ праздный человекъ, когда онъ ничего не дѣлаетъ? — То именно, что ничего не дѣлаетъ; ибо человеку всегда надобно дѣлать что либо. Въ самомъ дѣлѣ, если Сынъ Божій о себѣ самомъ и Отцѣ своемъ говоритъ: *Отецъ мой досель дѣлаетъ, и Азъ дѣлаю*; (*) то человеку ли предаться праздности? Дѣятельность наше назначеніе: для сего именно даны намъ бытіе и жизнь; для сего снабжены мы силами и способностями. И какъ земная жизнь наша вообще не долговѣчна;

(*) Іоан. V, 17.

а между тѣмъ въ продолженіи ея мы должны заслуживать цѣлую вѣчность блаженную, или злополучную; то праздность, разсматриваемая съ сей стороны, есть уже великое преступленіе противъ насъ самихъ; ибо всякой, праздно проведенный, часъ, ведетъ за собою потерю не только для здѣшней жизни, но и для вѣчности. Не употребленіе данныхъ отъ Бога силъ на дѣла благія уподобляетъ человѣка рабу, сокрывшему свой талантъ въ землю, и уготовляетъ ему плачевную участь сего раба; то есть, *и еже мнитъся имѣя, взято будетъ отъ него.* (*)

Точно будетъ взято! кѣмъ? и Правосудіемъ Божиимъ—въ свое время, а теперь

(*) Мат. XXV, 29.

самою праздностію; ибо порокъ сей, по самому свойству своему таковъ, что ослабляетъ, сокращаетъ, и наконецъ отъемлетъ у насъ наши силы и способности. Въ самомъ дѣлѣ, перестаньте напр. ходить и употреблять свои ноги: если это неупотребленіе продлится долго; то вы потеряете наконецъ способность ходить, едва будете въ состояніи встать и стоять на ногахъ. Такъ съ тѣломъ, такъ и съ душою. Всякая способность души, — упражняемая, возрастаетъ и усиливается; оставляемая въ бездѣйствіи, слабѣетъ и портится. Что напр. живѣе по природѣ и неумолкающѣ нашей совѣсти? Но не упражняемая, не храняемая, препятствуемая въ ея дѣятельности, и совѣсть слабѣетъ, умолкаетъ и засыпаетъ: человекъ становится безсовѣст-

нымъ. Тѣмъ скорѣе вянуть и слабѣють отъ неупотребленія другія душевныя способности: напр. для чловѣка, долго не молившагося, трудно поставить себя потомъ въ молитвенное состояніе и на нѣсколько минутъ; чловѣкъ, не упражнявшійся въ постъ, не можетъ пробыть безъ пищи и одного дня.

Но праздность опасна не однимъ тѣмъ, чего лишаетъ, но и тѣмъ, что приводитъ за собою. Что же она приводитъ? Порокъ и развращеніе.

Если бы душа наша была подобна безчувственному инструменту, который, когда прекращаютъ на немъ игру, остается спокойнымъ; то можно было бы безъ вреда оставлять ее въ бездѣйствіи: но съ душою, по ея духовной природѣ, подобнаго бездѣй-

ствія быть не можетъ; а происходитъ тоже, что съ полемъ, оставленнымъ безъ воздѣланія: поле покрывается худыми травами, душа худыми мыслями и чувствами. Посему праздность справедливо можно назвать готовою и самородною почвою для всего худаго и грѣховнаго. Никто такъ не обуревается множествомъ нечистыхъ помысловъ и желаній грѣховныхъ, какъ человекъ праздный: мысль его, не утвержденная ни на какомъ предметѣ, носится всюду, и подобно врану Ноеву, всегда останавливается на томъ, что манитъ чувственность; воображеніе въ такомъ случаѣ обыкновенно рисуетъ предъ собою образы обольстительные, кои случалось когда либо видѣть; память представляетъ случаи, когда страсти находили себѣ преступное удовле-

твореніе; умъ плодитъ—то разныя замыслы житейскіе, то сомнѣнія о предметахъ священныхъ; сердце располагаетъ къ разнымъ страстнымъ движеніямъ. Кромъ сего праздность имѣеть то зловерное свойство, что производитъ въ человѣкѣ скуку, заставляющую искать развлеченій и забавъ, кои у празднаго обыкновенно состоятъ изъ того, что вредитъ душѣ, поелику обращаются около предметовъ самыхъ чувственныхъ, если не прямо богопротивныхъ. И здѣсь то корень и источникъ различныхъ пристрастій къ забавамъ, отъ коихъ страдаютъ люди праздные, тѣмъ забавамъ, кои губятъ здоровье и честь, разстроиваютъ состояніе, дѣлаютъ самага значительнаго въ обществѣ человѣка вовсе не тѣмъ, чѣмъ онъ могъ и долженъ быть.

Не забудемъ наконецъ при оцѣнкѣ праздности и того, что для большей части людей порокъ сей влечетъ за собою недостатокъ и бѣдность; а бѣдность заставляетъ обращаться къ непозволительнымъ средствамъ пріобрѣтенія: и такъ какъ праздный человѣкъ, по привычкѣ къ нѣгѣ, бываетъ обыкновенно склоннѣе другихъ къ чувственности и удовольствіямъ; то искушеніе пользоваться незаконно трудами другихъ чрезъ то самое для празднаго еще болѣе увеличивается. Пересмотрите людей, заключенныхъ въ темницахъ, вникните въ причину ихъ преступленій; и увидите, что большая часть ихъ произошла въ началѣ своемъ, такъ или иначе, именно отъ праздности.

Знали все сіе святыя Божіи чловѣки и ничего такъ не старались избѣгать, какъ праздности. Казалось самая жизнь пустынная и созерцательная освобождала ихъ отъ трудовъ, тѣмъ паче тѣлесныхъ: ибо многоли у нихъ оставалось и времени отъ молитвъ общественныхъ и домашнихъ? — Но зная опасность праздности, они брали съ собою трудъ въ самыя пустыни; не разлучались съ нимъ при совершеніи дѣлъ самыхъ высокихъ. Кто напр. это сидитъ у холма пустыннаго въ Оивандѣ, поетъ псалмы и въ тоже время плететъ корзины? Это свѣтило Египта, Антоній великій. Корзины сіи пойдутъ въ Александрію и промѣняются на укруги хлѣба, конми столѣтній старецъ подкрѣпляетъ по временамъ немощь свояя плоти. Кто это во мракъ ночью,

при свѣтъ лампы или луны, занимается дѣланіемъ шатровъ и палатокъ? Это св. Павелъ. Днемъ онъ проповѣдуетъ Евангеліе мудрымъ Еллинамъ, а ночь употребляетъ на скитничество, дабы не быть никому въ тягость скуднымъ содержаніемъ своимъ. Кто это въ малой хижинѣ Назаретской стучитъ млатомъ, дѣйствуетъ пилою, трудится съ утра до вечера надъ древодѣліемъ? Это св. Іосифъ, воспитатель Господа Иисуса и хранитель его Матери. Труды рукъ его доставляютъ пропитаніе святому семейству. Вообще у Святыхъ людей время раздѣлено было между Богомысліемъ и трудолюбіемъ. Первымъ правиломъ ихъ было питаться не отъ чужихъ, а отъ собственныхъ трудовъ. Труда сего, при всей скудости ихъ внѣшняго состо-

лнїя, ставало имъ даже на то, что бы помогать ближнимъ, питать алчущихъ, одѣвать нагихъ и искупать плѣнныхъ.

Но что же, спросятъ, дѣлать тѣмъ, кои самимъ состояніемъ своимъ удалены отъ трудовъ, тѣмъ паче тѣлесныхъ? — Что дѣлать? — Изобрѣсти себѣ трудъ по своимъ силамъ и обстоятельствамъ. Вѣдь изобрѣтаемъ же мы удовольствїя; почему не изобрѣсти и труда? И мало ли чистыхъ и полезныхъ предметовъ для занятїя души и сердца, самыхъ членовъ тѣла? Одно не обозримое поприще благотворительности можетъ представить каждому для сего все, что нужно. Каковъ бы ни былъ трудъ, толькобъ былъ безгрѣшенъ и занималъ силы наши; и цѣль будетъ достигнута.

Ибо праздность уничтожается не однимъ тѣлеснымъ трудомъ, а и всякимъ.

Разсуждая такимъ образомъ о трудѣ и праздности, мы имѣемъ въ виду, брат., состояніе человѣка вообще, или паче состояніе человѣка, не возрожденнаго еще Благодатіею Божіею, не начавшаго жить во Христѣ. Для человѣка же облагодатствованнаго, непрестанная дѣятельность духовная есть уже святая необходимость; ибо онъ долженъ непрестанно восходить отъ силы въ силу. Праздность въ семъ случаѣ есть прекращеніе самаго восхода; а прекращеніе восхода тоже, что отступленіе назадъ. У таковыхъ людей самый сонъ не празденъ. Ибо они, какъ испрашивается въ молитвѣ церковной, и среди соннаго безмолвія просвѣщаются зрѣніемъ судебъ Божіихъ.

Имѣя столь высокую цѣль бытія (ибо мы всѣ предназначены къ одному и тому же) да воззоветъ, брат. и каждый изъ насъ вмѣстѣ съ святымъ Ефремомъ: *Господи и Владыко живота моего, духъ праздности не даждь ми!* Не даждь, да дни мои, кои такъ малы и кратки, преходятъ въ суетъ мірской и бездѣйствіи; не даждь, да таланты мнѣ ввѣренныя, погребаются въ землѣ забвенія и лѣности; не даждь, да по недостатку любви къ трудамъ содѣлаюсь въ тягость подобнымъ себѣ и постыжду въ себѣ образъ твой! Сотвори, да буду бодрѣ на всякое дѣло благое, да непрестанно труждаюся надъ воздѣльваніемъ существа моего для вѣчности, и да все, что ни дѣлаю, дѣлаю для славы твоей, Господи, а не изъ угожденія себѣ самому! Аминь.

С Л О В О

ВЪ СРЕДУ ВТОРЫЯ НЕДѢЛИ ВЕЛИКАГО ПОСТА.

Господи и Владыко живота моего, духъ унынія не даждь ми!

Значить духъ унынія противенъ не однимъ забавамъ мірскимъ, а и жизни христіанской. Почему такъ? Потому что жизнь христіанская требуетъ всегдашней дѣятельности духовной, бодрости, мужества и силы; а въ уныломъ какая дѣятельность, какая бодрость и сила? — Потому что *Царствіе Божіе*, въ коемъ находится истинный хри-

стіанинъ, *есть*, по свидѣтельству Апостола, *правда, миръ, и радость о Дусъ Святъ*; (*) а въ уныломъ какой миръ и какая радость? По сему ть, кои думаютъ, что жизнь христіанская не обходимо сопряжена съ уныніемъ, симъ самымъ показываютъ, что они не знаютъ духа истиннаго христіанства. Нѣтъ, это духъ свѣта, крѣпости и силы, духъ мира и радости непрестающей. Правда, что христіанинъ не вдругъ достигаетъ сего блаженнаго состоянія, подобно какъ тяжело больной не вдругъ получаетъ здоровье; но чувство самага начала выздоровленія душевнаго есть уже чувство отрадное и утѣшительное, которое, постоянно возрастая, наполняетъ всю душу ми-

(*) Рим. XIV, 17.

ромъ и радостию. Правда и то, что истинный христiанинъ, всегда занятый дѣломъ своего спасенiя, вкушая при томъ, хотя по временамъ, удовольствiя высшiя и духовныя, чуждается шумныхъ радостей мiра, представляется не рѣдко задумчивымъ въ тѣ минуты, когда другiе не знаютъ мѣры своимъ восторгамъ: но онъ столь же мало почитаетъ за потерю неучастiе въ радостяхъ мiрскихъ, сколь мало человекъ возрастнiй считаетъ за потерю то, что не участвуетъ въ играхъ и забавахъ дѣтскихъ; его задумчивость происходитъ не отъ духа унынiя, а отъ другихъ причинъ, не рѣдко отъ мысли, какъ нѣкоторые могутъ веселиться тогда, какъ имъ надлежало бы плакать. Правда наконецъ и то, что христiанинъ, ведя до конца жизни непрестан-

ную брань со грѣхомъ и страстями, подвергается иногда такимъ искушеніямъ, о какихъ міролюбцы не имѣютъ и понятія; но духовная брань сія не производитъ въ немъ духа унынія; воинъ христовъ исходитъ противъ враговъ спасенія своего еще съ большимъ благодушіемъ, нежели воинъ царя земнаго.

Посему когда увидите, брат. мой, истиннаго христіанина, страдающаго уныніемъ; то блюдитесь выводить изъ сего что либо не въ пользу христіанства: нѣтъ, изъ сего слѣдуетъ только, что сей членъ тѣла христова еще несовершенъ въ вѣрѣ и преданности, что онъ, по слабости природы человѣческой, недугуетъ еще сердцемъ, и можетъ быть, сей недугъ духовный нарочно допущенъ врачемъ небеснымъ для воз-

вращенія ему полнаго здравія. Какъ бы то нибыло, только унынїе всегда есть состоянїе духа не естественное, есть болѣзнь, которая, при усиленїи своемъ и продолжительности, можетъ сдѣлаться крайне опасною, и причинить смерть не только духа — отчаянїемъ, но и самаго тѣла — его разрушенїемъ. *Печаль міра сего*, замѣчаетъ Апостоль, *смерть содѣловаетъ* (*). Посему то святые мужи ничего такъ не боялись, какъ унынїя; и при первомъ, появленїи сего врага, спѣшили принимать всѣ мѣры къ отраженїю его. По уединенной и подвижнической жизни ихъ, унынїе, конечно, было для нихъ опаснѣе, нежели для людей, живущихъ въ мірѣ: но

(*) 2 Кор. VII, 10.

и живущіе въ міръ не могутъ предаваться ему безъ опасности для своей души и тѣла, которая тѣмъ болѣе возрастаетъ, чѣмъ долѣе продолжается сіе не естественное состояніе. Посему всѣмъ намъ полезно вникнуть, отъ чего происходитъ уныніе и какіе противъ него средства?

Источниковъ унынія много, и вѣшнихъ и внутреннихъ, и духовныхъ и чувственныхъ. И во первыхъ въ душахъ чистыхъ и близкихъ къ совершенству, уныніе можетъ происходить отъ оставленія ихъ на время Благодатию Божіею. Состояніе благодати есть самое блаженное. Но чтобы находящійся въ семъ состояніи не возмнилъ, что оно происходитъ отъ его собственныхъ совершенствъ, Благодать иногда удаляется и сокрываетъ себя совершенно, предоставляя

любимца своего самому себѣ. Тогда бываетъ съ святою душою то же, какъ если бы среди дня наступила полночь, или въ самый благорастворенный лѣтній день появился мразъ зимній: въ душѣ является темнота, хладъ, мертвость, и вмѣстѣ съ тѣмъ уныніе.

Во вторыхъ уныніе, какъ свидѣтельствуя люди опытные въ духовной жизни, бываетъ отъ дѣйствія духа тьмы. Не могли запятъ души на пути къ небу чувственностію, прельстить ее благами и удовольствіями міра, врагъ спасенія обращается къ противоположному средству и наводитъ на нее внутреннюю тугу и уныніе. Въ такомъ состояніи душа бываетъ какъ путникъ, вдругъ застигнутый мглою и туманомъ; не видитъ ни того, что впереди, ни того, что

позади; не знаетъ, что дѣлать, теряетъ бодрость и духъ, впадаетъ въ нерѣшимость и нѣкое внутреннее исчезновеніе. Сему роду унынія подвергаются люди также не мало подвизавшіеся на пути добродѣтели, уже побѣдившіе искушенія чувственности.

Третій источникъ унынія есть наша падшая, не чистая, обезсиленная, помертвевшая отъ грѣха природа. Доколь мы дѣйствуемъ по самолюбію, наполнены духомъ міра, надымаемся страстями, дотолъ сія природа въ насъ весела и жива; откуда въ ней берется сила, духъ, отвага и терпѣніе. Но переѣщите направленіе жизни, сойдите съ широкаго пути міра на узкій путь самоотверженія христіанскаго, примитесь за покаяніе и самоисправленіе: тотъ

часъ откроется внутри васъ пустота, обнаружится духовное безсиліе, оцутится сердечная мертвость. Доколь душа не успѣетъ наполниться новымъ духомъ любви къ Богу и ближнему, яться вѣрою за силу креста Христова и прицѣниться, какъ вѣтвь, всеми мыслями и чувствами къ древу жизни—Господу Іисусу; дотоль духъ унынія, въ большей или меньшей мѣрѣ, для нея неизбеженъ. Счастлива она, если не долго остается въ семъ состояніи; ибо отъ него не далеко пропасть отчаянія духовнаго. Сему роду унынія подвергаются наипаче грѣшники, по ихъ обращеніи.

Четвертый, обыкновенный источникъ унынія духовнаго есть недостатокъ, тѣмъ паче прекращеніе дѣятельности и привычныхъ трудовъ. Преставъ употреблять свои силы и

способности, душа теряет живость и бодрость, становится вялою и неудободвигною; самыя прежнія занятія ей противѣютъ; начинаетъ быть ощущаема внутренняя пустота; является недовольство, скука и уныніе.

Можетъ происходить уныніе и отъ различныхъ печальныхъ случаевъ въ жизни, какъ то смерти сродниковъ и любимыхъ лицъ, потери чести, достоянія и другихъ несчастныхъ приключеній. Все это, по закону нашей природы, сопряжено съ непріятностію и печалію для насъ; но, по закону же самой природы, печаль сія должна уменьшаться временемъ и изчезать, когда человекъ употребляетъ средства къ своему одушевленію и не предается печали. Въ противномъ случаѣ образуется духъ унынія.

Можетъ происходить уныніе и отъ нѣкоторыхъ мыслей, особенно мрачныхъ и тяжелыхъ, когда душа слишкомъ предается подобной мысли, и смотритъ на предметы не во свѣтъ Вѣры и Евангелія. Такъ напр. человѣкъ легко можетъ впасть въ уныніе отъ частаго размышленія о неправдѣ, господствующей въ міръ, о томъ, какъ праведные здѣсь скорбятъ и страдаютъ, а нечестивые высятся и блаженствуютъ, и какъ все, повидимому, отдано на произволь страстей человѣческихъ и случая.

Могутъ наконецъ источникомъ уныніа душевнаго быть различныя болезненныя состоянія тѣла, особенно нѣкоторыхъ его членовъ.

Отъ чего бы впрочемъ ни происходило уныніе — молитва всегда есть первое и
2**

последнее противъ него средство. Въ молитвѣ человекъ становится прямо лицу Божию: но если ставъ противъ солнца, нельзя не озариться свѣтомъ и не почувствовать теплоты; тѣмъ паче свѣтъ и теплота духовныя суть непосредственныя слѣдствія молитвы. Кромѣ сего молитвою привлекается благодать и помощь свыше, отъ Духа Святаго; а гдѣ духъ Утѣшитель, тамъ нѣтъ мѣста унынію, тамъ самая скорбь будетъ въ сладость.

Чтеніе или слушаніе слова Божія, особенно Новаго Завѣта, есть также сильное средство противъ унынія. Спаситель не напрасно призывалъ къ себѣ всѣхъ труждающихся и обремененныхъ, обѣщая имъ успокоеніе и радость. Радость сію онъ не взялъ съ собою на небо, а всецѣло оста-

вилъ въ Евангеліи для всѣхъ скорбящихъ и унылыхъ духомъ. Кто проникается духомъ Евангелія, тотъ престаесть скорбѣть безотрадно: ибо духъ Евангелія есть духъ мира, успокоенія и отрады.

Богослуженія, и особенно св. Таинства Церкви, такъ же великое врачевство противъ духа унынія: ибо въ Церкви, яко домъ Божіемъ, нѣтъ для него мѣста; таинства всѣ направлены противъ духа тьмы и слабостей природы нашей, особенно таинство исповѣди и причащенія. Слагая съ себя тяжесть грѣховъ посредствомъ исповѣди, душа чувствуетъ легкость и бодрость; а пріемля въ Евхаристіи брашно тѣла и крови Господа, чувствуетъ оживленіе и радость.

Собесѣдованія съ людьми, богатыми духомъ христіанскимъ, также средство про-

тивъ унынія. Въ собесѣдованіи мы вообще выходимъ болѣе или менѣе изъ мрачной глубины внутренней, въ которую душа погружается отъ унынія; вмѣстѣ съ разверстіемъ устъ, въ чловѣкѣ уныломъ, можно сказать, разверзаются пѣдра его духа, открывается доступъ туда свѣту и теплотѣ духовной. Кромѣ сего посредствомъ мѣны мыслей и чувствъ въ собесѣдованіи, мы заемлемъ у бесѣдующихъ съ нами нѣкую силу и жизненность, что такъ нужно въ состояніи унынія.

Размышленіе о предметахъ утѣшительныхъ и утвержденіе мысли на какомъ либо изъ нихъ такъ же весьма много помогаетъ въ уныніи. Пбо мысль въ семъ состояніи или вовсе недействуетъ, или кружится около предметовъ печальныхъ. Что

бы избавиться унынія, надобно принудить себя мыслить о противномъ. Напр. если уныніе произошло отъ печали о смерти лица любимаго; то вмѣсто того, чтобъ бродить непрестанно мыслию у его могилы, представлять себѣ его лежащимъ во гробѣ, или тлѣющимъ въ землѣ; переноситесь чаще мыслию на небо, гдѣ его духъ, представляйте день всеобщаго, будущаго воскресенія, когда мы всѣ облечемся новымъ, прославленнымъ, бессмертнымъ тѣломъ, и не будемъ болѣе подлежать горестной разлукѣ съ ближними.

Занятіе себя трудомъ тѣлеснымъ такъ же прогоняетъ уныніе. Человѣкъ унылый не способенъ бываетъ къ труду: но что нужды? Пусть начнетъ трудиться, даже не хотя; пусть продолжаетъ трудъ, хотя

безъ успѣха: отъ движенія оживеть сначала тѣло, а потомъ и духъ, и почувствуется бодрость; мысль среди труда непримѣтно отвратится отъ предметовъ, наводившихъ тоску, а это уже много значитъ въ состояніи унынія.

Наконецъ, если источникъ унынія скрывается въ недугахъ тѣлесныхъ; то Христіанинъ не долженъ пренебрегать пособія и отъ искусства врачебнаго: ибо искусство сіе отъ Бога. *Господь созда, говоритъ писаніе, врача на потребу* чловѣка, (*) по сему врачъ есть слуга Божій для насъ во благое.

Все, что мы говоримъ объ уныніи, касается унынія Христіанскаго. Страдаютъ

(*) Сир. XXXVIII. 1.

ли уныніемъ міролюбцы и грѣшники, не радящіе о спасеніи души своей? — Всего болѣе и всего чаще, хотя, по видимому, жизнь ихъ состоитъ большею частию изъ забавъ и утѣхъ. Даже по всей справедливости можно сказать, что внутреннее недовольство и тайная тоска есть постоянная доля грѣшниковъ. Ибо совѣсть, сколько бы ни заглушали ее, какъ червь точитъ сердце. Внутренній человекъ, какъ ни подавляютъ его, подыметъ не рѣдко главу и стонетъ. Невольное, глубокое предчувствіе будущаго суда и воздаянія также тревожитъ душу грѣшную, возмущаетъ и преогорчаетъ для нее безумныя утѣхи чувственности. Самый закоренѣлый грѣшникъ по временамъ чувствуетъ, что онъ какъ вѣтвь безъ корня, какъ зданіе безъ

основанія, что внутри его пустота, мракъ, лъза и смерть. Отсюда то неудержимая склонность міролюбцевъ къ непрестаннымъ развлеченіямъ, къ тому, чтобъ забываться и быть внѣ себя.

Что сказать міролюбцамъ о ихъ уныніи? Оно благо для нихъ; ибо служитъ призываніемъ и побужденіемъ къ покаянію. Посему вмѣсто того, чтобы прогонять сіе уныніе, какъ болѣзнь, имъ надобно пользоваться какъ врачевствомъ, обращая его изъ безплодной печали вѣка сего въ спасительную печаль по Богъ. И пусть не думаютъ, что бы нашлось для нихъ какое либо средство къ освобожденію отъ сего духа унынія, доколь не обратятся на путь правды и не исправятъ себя и своихъ нравовъ. Суетныя удовольствія и радости зем-

ныя никогда не наполнять пустоты сердечной: душа наша пространнѣе всего міра. Напротивъ съ продолженіемъ времени самыя радости плотскія теряютъ силу развлекать и обаять душу, и обратятся въ источникъ тяжести душевной и скуки. Между тѣмъ печаль по Бозь, сокрушеніе о своей беззаконной жизни, хотя въ началѣ и прибавить, по видимому, нѣчто къ тоскѣ душевной, но современемъ послужить къ совершенному исцѣленію отъ всѣхъ болѣзней сердечныхъ; ибо приведетъ за собою правду, миръ и радость о Дусь Святъ. Аминь.

С Л О В О

ВЪ ПЯТОКЪ ВТОРЫЯ НЕДѢЛИ ВЕЛИКАГО ПОСТА.

Господи и Владыко живота моего, духъ любовначалъ
не даждь ми!

Не даждь духа, который, вселившись
въ Ангела свѣтоноснаго, обратилъ его и низ-
ринулъ на всегда съ неба, — который,
возобладавъ прародителями нашими, из-
гналъ ихъ не-возвратно изъ рая; — того ду-
ха, коимъ ослѣпленный Фараонъ вопро-
шалъ: *кто есть Богъ, егоче послушаю*
гласа? (*) коимъ прельщенные, Дафанъ и

(*) Исх. V. 2.

Авиронъ, сошли за свое возмущеніе противъ Моисея во адъ живы;—того духа, который заставлялъ еретиковъ идти противъ власти Церкви, возмутителей и крамольниковъ — терзать нѣдра своего отечества, буйныхъ писателей—сбять плевелы и порчу нравовъ въ цѣлыхъ поколѣніяхъ;—того духа, который не смотря на чудовищную величину свою, можетъ вселяться въ самаго малаго человѣка, и въ кого ни вселится, дѣлаетъ его не довольнымъ ни чѣмъ, тѣмъ паче своимъ состояніемъ.

Въ самомъ дѣлѣ, брат., отъ духа любобачалія и превозношенія не безопасенъ никто: онъ проникаетъ въ самыя пустыни и заставляетъ иногда людей, отрекшихся всего, искать первенства предъ другими, если не въ другомъ чемъ, то въ

самомъ удаленіи отъ власти; онъ появляется въ кругу самыхъ юныхъ дѣтей и дѣлаетъ изъ отрока предводителя себѣ подобныхъ, который гордо раздаетъ приказанія, съ завистию смотритъ на соперника, мучится духомъ, если лишается своего начальства. А что сказать о мірѣ и обществѣ человѣческомъ? Тамъ принято даже за правило, что худой тотъ воинъ, который не хочетъ быть военачальникомъ. Вступая на поприще жизни, рѣдкіе не приносятъ съ собою туда видовъ самыхъ честолюбивыхъ, желаній самыхъ непомерныхъ. И какъ многимъ не быть зараженными духомъ любовначалія, когда родители и воспитатели сами почитаютъ не рѣдко за долгъ возбуждать его въ юныхъ питомцахъ, почитая это залогомъ ихъ будущихъ успѣховъ въ жизни? —

Въ самомъ дѣлѣ, это бываетъ залогомъ, но чего? Не успѣховъ а неудачъ, не возвышенія, а паденій самыхъ опасныхъ. Ибо во первыхъ возможно ли всѣмъ достигнуть имѣсть высокихъ, честей и отличій блистательныхъ? Доля сія по необходимости принадлежитъ не многимъ. А по сему для прочихъ покушеніе на нее есть покушеніе почти на невозможное, и слѣд. вредное. А во вторыхъ, духъ любоначалія есть вообще самый худой помощникъ въ достиженіи честей и достоинствъ. Ибо человекъ, имъ проникнутый, никогда почти не имѣетъ терпѣнія и скромности, толико необходимыхъ для успѣха и въ дѣлахъ земныхъ. Надменный духомъ любоначалія напротивъ готовъ бываетъ употребить всѣ средства, чтобы скорѣе достигнуть цѣли; а, употребляя ихъ

безразсудно, рѣдко не подвергается тяжкимъ паденіямъ. Въ случаѣ не успѣха и превратности съ нимъ бываетъ еще хуже: онъ позволяетъ себѣ наглости и буйства, кои лишаютъ его и того, что онъ имѣлъ. Обыкновенно таковыя люди съ обманутымъ честолюбіемъ бросаютъ путь чести и даже служенія общественнаго, и заключаютъ себя прежде-временно въ кругъ жизни домашней. Мирный и благой кругъ сей могъ бы вознаградить ихъ за всѣ лишенія большаго свѣта; но къ сожалѣнію и здѣсь честолюбецъ рѣдко находитъ для себя успокоеніе; потому что приносить съ собою домой духъ не довольства отъ своихъ неудачъ, духъ ропота и ожесточенія сердечнаго. Кромѣ сего страсть превозношенія и здѣсь хочетъ находить во всемъ пищу, и

по естественному порядку вещей, срътая не рѣдко противоборство, бѣснуется и мучить себя и другихъ.

Человѣкъ гордый всѣмъ тяжелъ и противень даже и тогда, когда обладаетъ отличными способностями: ибо все, чѣмъ отличила и украсила его природа, онъ употребляетъ обыкновенно на униженіе другихъ, а кому пріятно быть унижаемымъ? Посему таковыхъ людей обыкновенно стараются избѣгать. Но, духъ любоначалія появляется и въ людяхъ самыхъ посредственныхъ. Таковыхъ уже и не избѣгаютъ, а прямо презираютъ. Сколько отсюда огорченій для презираемаго!

Что же, скажетъ кто либо, ужели Христіанину вовсе не позволено желать высокихъ достоинствъ?

Христіанину не запрещено желать всего добраго. Можно желать, когда чувствуешь способность къ тому, и высокаго достоинства; но какъ желать? — Такъ ли, что бы почитать себя предназначеннымъ имено къ занятію такого или другаго высокаго званія? Это было бы самомнѣніе и гордость непростительная. Такъ ли, чтобы, не достигнувъ своего желанія, думать, что уже потеряна вся цѣль жизни, и потому сокрушаться и мучить себя? Нѣтъ, это значило бы не понимать значенія и цѣли своей жизни. Такъ ли, что бы все средства къ достиженію отличій и достоинствъ почитать законными и позволительными? Но такого любобачалія и честолюбія не терпитъ самый міръ. Что же позволительно Христіанину въ отношеніи къ

честямъ и достоинствамъ?—Позволительно готовить себя къ тому, чтобъ быть ихъ достойнымъ, открывать и усовершенствовать въ себѣ всѣ таланты, Богомъ данныя, обнаруживать ихъ правильнымъ и общепользнымъ образомъ, показывать дѣятельность, честность и любовь къ благу общему. Надъ всѣмъ этимъ трудись, сколько угодно: все это похвально не предъ людьми только, но и предъ Богомъ. А искать усиленно высшихъ мѣстъ и достоинствъ, тѣмъ паче употреблять для сего происки и связи, коварство и обманъ, и недостигнувъ желаемого, поднимать ропотъ, приходиться въ малодушіе и отчаяніе, все это совершенно дѣло не Христіанское. Христіанинъ спокойно ожидаетъ званія свыше: приходитъ его чреда, онъ со смиреніемъ

исходитъ на поприще, предъ нимъ открывшееся; не приходитъ, — онъ употребляетъ свои способности и познанія въ томъ кругъ, въ коемъ находится, не пререкая вышнему распоряженію, не упрекая ни кого въ невниманіи къ себѣ. Ибо будьте увѣрены, провидѣніе Божіе, даруя кому либо отличныя способности, всегда само заботится о томъ, что бы онъ не остались втуне, само открываетъ поприще для употребленія ихъ въ дѣло. Намъ можетъ казаться, что это поприще мало, не по насъ: но если мы, вступивъ на него дѣлаемъ, какъ должно, свое дѣло; то все благое, въ насъ находящееся, найдетъ сродное себѣ употребленіе и принесетъ плодъ. А съ другой стороны этотъ кругъ часто бываетъ тѣсень только въ началѣ — для искушенія нашего

терпѣнія и смиренія; а потомъ не видимою рукою, смотря по нашей вѣрности, расширяется; и тотъ, кто думалъ на всегда оставаться долу, видитъ себя на высотѣ, ему приличной. Но и безъ сей высоты можно всегда сдѣлать много истинно полезнаго, даже если угодно, быть первымъ и вождемъ для другихъ. Сколько вокругъ каждаго стезей добра, еще не проложенныхъ, благихъ подвиговъ, еще не начатыхъ! Осмотришь, и, не теряя духа отъ своего невысокаго положенія въ свѣтъ, начни дѣлать, хотя по немногу и въ маломъ видѣ то, чего не дѣлано ни къмъ:—ты будешь такимъ образомъ первымъ, создашь новое для себя поприще и отличіе, подашь примѣръ самимъ начальникамъ, цѣлому обществу. Не такъ ли именно начиналась дѣя-

тельность многихъ друзей челоѣчества, кои хъ имена потерялись бы между множествомъ другихъ именъ, если бы они пошли общимъ и обыкновеннымъ путемъ чести и отличій, и кои теперь блистаютъ въ свиткѣ бытописаній, можетъ быть, именно потому, что имъ не дано было идти симъ путемъ, а предоставлено для блага челоѣчества открыть новое поприще, свое собственное?

Но говоря такимъ образомъ, мы вмѣсто угашенія духа любобачалія, можемъ еще возбудить его въ тѣхъ, кои имѣютъ предрасположеніе къ тому. Поспѣшимъ же въ предупрежденіе сего показать, что требуется отъ Христіанина при вступленіи на высокое мѣсто. *Иже въ васъ хочетъ влщ-*

шій быти, да будетъ вѣсьмъ слуга: (*)
вотъ законъ, изреченный тѣмъ, кто самъ
во всѣхъ отношеніяхъ есть *первый и по-
слѣдній!* (**) Христіанинъ чѣмъ выше,
тѣмъ долженъ быть смиреннѣе, трудолю-
бивѣе и самоотверженнѣе. Начальство при-
носитъ ему трудъ и бдѣніе, заботу и пе-
чаль обо всемъ, что подъ его рукою. Кто
будетъ твердо имѣть сіе въ виду, у того
духъ любоначалія упадетъ самъ собою: ибо
для труда ли и блага общаго гонить сей
духъ любимцевъ своихъ на высоту честей?
Нѣтъ, онъ указываетъ имъ на сей высоту
одну роскошь и довольство, одно велича-
ніе и похвалы отъ всѣхъ. Уничтожьте въ

(*) Мат. XX. 26.

(**) Апок. I, 17.

умъ своемъ все это; и приманка исчезнетъ. Смотрите въ высококомъ достоинствѣ на неразлучную отъ него, тяжкую отвѣтственность, и предъ людьми, а паче предъ совѣстію и Богомъ: и вы, вмѣсто честолюбивыхъ желаній, ощутите страхъ отъ высокихъ мѣсть, и будете смотрѣть на нихъ, какъ смотреть на верхъ высокихъ зданій, гдѣ страшно поставить себя даже и въ мысляхъ.

Но въ человѣческой природѣ, скажетъ кто либо, есть естественное стремленіе къ высокому и великому: не должно ли его питать и поддерживать? Безъ сомнѣнія, должно; и если бы мы сохраняли и питали его надлежащимъ образомъ въ душѣ своей; то не прельщались бы никакими высотами человѣческими, и не оставали-

вались бы нашихъ, какъ на верху всѣхъ желаній: ибо врожденное намъ стремленіе къ высокому и великому превъше не только всея земли, но и всего міра. Оно то именно, хранимое въ чистотѣ и силѣ, и спасало бы насъ отъ всѣхъ мелкихъ видовъ земнаго честолюбія. А что бы ему самому не оставаться празднымъ,—для сего всѣмъ людямъ безъ исключенія указана Творцемъ цель самая высокая. Какая? та, на которую указываетъ и къ коей всѣхъ призываетъ Евангеліе. Что можетъ быть выше тѣхъ обѣтованій, кои въ немъ содержатся? По ученію его, всѣ мы предназначены къ царству со Христомъ, къ владычеству надъ цѣлымъ міромъ, къ высотѣ Ангельской. Се достоинства для всѣхъ и каждого! стремись всякой; сего нетолько никто

не запрещаетъ, а напротивъ все къ тому побуждаетъ. Между тѣмъ кто идетъ къ симъ высотамъ и восходитъ на нихъ? Худородныя вѣка сего, отребіе міра, какъ выражается Апостоль, то есть люди, удаленные отъ всѣхъ честей и достоинствъ мірскихъ. А люди находящіеся на высотѣ земнаго величія? Увы они, прельщенные высотойю своею, рѣдко обращаютъ на сей предметъ и вниманіе! Съ ними, къ сожалѣнію, бываетъ тоже, что съ вершинами высокихъ горъ, кои, бывъ покрыты снѣгомъ и льдомъ, блещутъ при каждомъ восхожденіи и захожденіи солнца радужными лучами и восхищаютъ взоръ, но постоянно остаются голы и бесплодны, безъ всякаго признака жизни.

Имѣя въ виду сіи опыты, если рука провидѣнія поставитъ насъ на высотѣ земныхъ достоинствъ, будемъ стоять тамъ со страхомъ Божиимъ, не забывая своего недостойнства и великихъ обязанностей, на насъ лежащихъ, не прельщаясь своею высотой, и устремляя взоръ ума и сердца постоянно къ почестямъ высшаго званія, къ тѣмъ престоламъ и вѣнцамъ, кои раздаетъ достойнымъ не произволь чело-вѣческой, а всевятая и праведная воля Вседержителя. А если Провидѣніе судило намъ оставаться въ низкой долѣ; будемъ стоять въ ней съ благодушіемъ и преданностію, памятуя, что Господь нашъ есть Господь *горъ и юдолей*, (1) что стояніе долу

(1) 3. Цар. XX, 23.

есть стояніе токмо на время, и что все мы предназначены къ такой высотѣ, предъ коей все высокое и великое на землѣ есть одинъ призракъ и тѣнь. Аминь.

С Д О В О

ВЪ СРЕДУ ТРЕТІЯ НЕДѢЛИ ВЕЛИКАГО ПОСТА.

Господи и Владыко живота моего, духъ празднословія не даждь ми!

Видно празднословіе есть порокъ весьма опасный, что противъ него столько молитвъ! Ибо и св. Давидъ, какъ вы сами часто слышите, постоянно молится ко Господу, говоря: *положи, Господи, храненіе устамъ моимъ и дверь огражденія о устахъ моихъ!* И премудрый сынъ Сираховъ восклицаетъ молитвенно: *кто дастъ ми во*

*уста моя хранилище и на устнѣ мои
печатъ разумну!* (*)

А у насъ, братъ, напротивъ! ни что такъ мало не хранится какъ слово; ничто такъ праздно нерасточается, какъ слово. Тѣ самые, кои моглибы подавать примѣръ благоразумнаго употребленія слова, то есть, люди одаренные отличнымъ умомъ и познаніями, не рѣдко первые небрегутъ о семъ и подають примѣръ противнаго.

Хорошо ли это? Весьма худо уже по тому, что за всякое праздное, тѣмъ паче худое слово, по свидѣтельству самаго Господа нашего, надобно будетъ нѣкогда дать отвѣтъ. (**) Намъ кажется, что слова наши

(*) XXII, 37.

(**) Мат. XII, 36.

исчезаютъ въ воздухъ; а они всѣ напротивъ остаются цѣлы, собираются и печатлѣются на день суда и воздаянiя. Посему человекъ празднословный собственными устами произносить будущее осужденiе на самаго себя. Малость ли это?—И напрасно бы мы воображали, что когда будутъ судить насъ за слова наши; то такимъ образомъ поступятъ съ нами слишкомъ строго. Нѣтъ, судъ сей правиленъ и необходимъ: ибо намъ только кажется, что слова наши ничего не значать, и что расточать ихъ безумно есть вещь не важная; между тѣмъ слово человѣческое очень важно и очень стоитъ того, чтобы въ немъ требовать отчета.

Ибо что такое наше слово? Явно отпечатокъ слова Творческаго. Въ Богъ слово,

и въ челоуѣкѣ слово. Правда, что слово въ Богѣ не то, что наше слово; въ Богѣ оно есть самый впечатлѣнный образъ существа его, единородный Сынъ Божій: но и въ насъ слово не праздный звукъ, и въ насъ оно есть отпечатокъ и образъ нашего духа, такъ что если бы собрать всѣ слова наши, то мы увидѣли бы въ нихъ свое собственное изображеніе. Благоразумно ли не дорожить симъ изображеніемъ, обременять его чертами отвратительными и мартать безжалостно?

Далѣе, словомъ челоуѣкѣ видимо и преимущественно отличенъ отъ всѣхъ тварей, его окружающихъ. Это главный признакъ и главное средство нашего владычества надъ міромъ, какъ то и показано въ самомъ началѣ чрезъ нареченіе имени отъ Прароди-

теля нашего всѣмъ животнымъ. Чего не производило слово человѣческое въ чистомъ его видѣ, какъ оно было у святыхъ Божіихъ человѣковъ? останавливало солнце, заключало и отверзало небо, воскрешало мертвыхъ. Кто послѣ сего не признаетъ въ словѣ скиптра нашего владычества надъ міромъ? Мы не способны еще дѣйствовать симъ скипетромъ; не будемъ по крайней мѣрѣ повергать его въ грязь и ломать безразсудно. У животныхъ малое только и слабое подобіе нашего слова; но, посмотрите, какъ они берегутъ его! употребляютъ не иначе, какъ по крайней нуждѣ: придетъ весна, — способные отверзаютъ уста и поютъ всеусердіемъ хвалу и славу Создателю; а впрочее время года и они безмолствуютъ.

Словомъ — далѣе — держится въ силѣ и союзъ весь родъ человѣческой: это проводникъ нашихъ взаимныхъ мыслей, чувствъ, нуждъ, радостей и печалей, предпріятій и усовершенствованій. Словомъ связуется у насъ таинственно прошедшее съ настоящимъ, настоящее съ будущимъ; приходятъ въ тѣсное сообщеніе тѣ, кои никогда не видали другъ друга. Отымите слово у людей; и все остановится въ мірѣ человѣческомъ. Какъ же покрывать ржавчиною грѣха, или дѣлать ядовитою златую цѣпь, связующую все человѣчество?

Обратите еще вниманіе на послѣдствія слова человѣческаго. Всякое слово изшедшее изъ устъ вашихъ, никогда уже не возвратится къ вамъ: нѣтъ, оно пойдетъ по умамъ и устамъ, по годамъ и вѣкамъ; про-

изведеть неизчислимое множество мыслей и чувствъ, дѣяній и поступковъ; и, розросшись въ огромное древо, обремененное всякаго рода плодами по роду и виду его, срътится съ тобою, творцемъ его, на судъ страшномъ. — Какъ же не позаботиться о такомъ плодовитомъ произведеніи и произраждать ихъ цѣлыми тысящами безумно?

И въ настоящемъ времени, на самага изрекающаго слово, оно не остается безъ дѣйствія. По словамъ нашимъ во первыхъ всѣ судять о насъ; уста наши доставляютъ намъ или уваженіе, или вселяютъ къ намъ отвращеніе и презрѣніе. *Премудрый, замъчаетъ древній мудрецъ, въ словеси любезна сотворитъ себе; а умножаяй сло-*

веса мерзокъ будетъ. (*) Празднословіе терпится иногда для развлеченія, какъ держать для сей же цѣли нѣкоторыхъ пернатыхъ; но никогда не заслужить уваженія. Если васъ слушаютъ, когда вы говорите пустое и не показываютъ отвращенія; то будьте увѣрены, что сего отвращенія нѣтъ только на лицѣ слушающихъ, а въ сердцѣ оно у многихъ. Благо-разумно ли же недорожить тѣмъ, отъ чего зависитъ наша честь или безчестіе, любовь или нерасположеніе къ намъ всѣхъ и каждаго?

Если бы мы вознебрегли мнѣніемъ о насъ другихъ людей за худое употребленіе нашего языка и слова; то и тогда не уйдемъ

(*) Сир. XIV. 8 — 13.

отъ наказанія: ибо празднословіе наказываетъ само себя. Человѣкъ празднословный пустуетъ внутренно: умъ его становится мѣлкимъ, сужденіе несвязнымъ, виды пустыми, предположенія ничтожными или предосудительными. Предъ взоромъ человѣка наблюдательнаго, онъ бываетъ похожъ на глупое дитя, не умѣющее молчать. Такой человѣкъ не способенъ ни къ чему важному и истинно полезному, какъ это замѣчено еще въ древности, гдѣ мудрецы не принимали къ себѣ и въ ученики тѣхъ людей, кои продолжительнымъ молчаніемъ не доказали въ себѣ способности къ дѣлу.

Не должно наконецъ опустить безъ особеннаго вниманія и того, что происходящая отъ празднословія пустота души и неосно-

вательность ума, не останавливаются на однихъ устахъ и словахъ, а, по закону природы нашей, переходятъ въ самыя наши дѣйствія и жизнь. Премудро замѣтилъ св. Іаковъ, что *еще кто въ словѣ не согрѣшаетъ, сей силенъ обуздать и все тѣло*: (*) это естественная награда за обузданіе своего языка. Привыкшій напротивъ грѣшить въ словѣ, скоро начнетъ грѣшить и въ жизни. Въ самомъ дѣлѣ, кто худой Правитель и Судія? Человѣкъ празднословный. Кто худой исполнитель приказаній Начальниковъ? Человѣкъ празднословный. Кто худой отецъ, сынъ, другъ? Человѣкъ празднословный. Кто худая мать семейства? Жена празднословная. Гдѣ источникъ пере-

(*) Іак. III. 2.

судъ, клеветъ, ссоръ? въ устахъ жены празднословной.

По всему этому не дивитесь, брат., что слово Божіе такъ строго преслѣдуетъ празднословіе, и угрожаетъ судомъ за слова не только худыя, но и праздныя. Это къ нашей истинной пользѣ: ибо слово наше губить насъ.

Какъ же, спросите, должно употреблять слово, что бы оно не послужило нѣкогда къ нашему осужденію?

Употреблять его, во первыхъ, съ крайнею бережливостію, какъ того требуетъ высокое происхожденіе слова, великое назначеніе его въ міръ, и крайне важныя дѣйствія его на другихъ людей и на насъ самихъ.

Употреблять во вторыхъ на предметы того достойныя, во славу Божию, на пользу ближнихъ и къ нашему усовершенствованію, и никакъ не употреблять на предметы срамныя, на мысли нечестивыя, на чувства зловредныя; не употреблять на ложь и обманъ, на клевету и ябеду, на брань и ссору.

Въ третьихъ наблюдать за употребленіемъ своего слова и по временамъ требовать у себя отчета въ немъ, — всего лучше отходя ко сну, ежедневно.

Въ четвертыхъ обращаться съ молитвою ко Господу, чтобы онъ Самъ положилъ храненіе устамъ нашимъ, самъ ограждалъ насъ своею благодатию отъ духа празднословія, который съ такою свирѣпостию заражаетъ нынѣ всю вселенную. Ибо, если

святые Божіи чловѣки, Давиды, Сирахп, Ефремы не видѣли въ себѣ самихъ достаточныхъ силъ на сраженіе съ симъ обольстительнымъ и зловреднымъ духомъ: то намъ ли ожидать побѣды надъ нимъ безъ помощи свѣше?

Въ пятыхъ должно приносить покаяніе въ словахъ худыхъ и праздныхъ, и стараться вознаграждать ихъ — всего ближе — посредствомъ благаго употребленія того же слова, сознаясь, гдѣ можно, прямо въ прежнемъ безразсудномъ его употребленіи.

Когда мы будемъ поступать такимъ образомъ, то слово наше постепенно освободится отъ всѣхъ недостатковъ и сдѣлается наконецъ тѣмъ, чѣмъ быть должно — живоноснымъ отгласомъ въ насъ слова Творческаго, свѣтлымъ отпечаткомъ чистаго су-

щества нашего, могущественнымъ органомъ нашего владычества надъ тварями, священной цѣпью, связующею насъ со всемъ чловѣчествомъ, вѣрнымъ посредникомъ къ сообщенію другимъ того, что въ насъ есть добраго, и къ принятію отъ другихъ, чего не достаетъ намъ, — всегдашнимъ орудіемъ и залогомъ нашего преспѣянія во всякомъ совершенствѣ. Аминь.

С Л О В О

ВЪ ПЯТОКЪ ТРЕТІЯ НЕДѢЛИ ВЕЛИКАГО ПОСТА.

Господи и Владыко живота моего, духъ цѣломудрія
даруй ми, рабу твоему!

Если какой духъ, то цѣломудрія долженъ быть испрашиваемъ свыше: ибо для сохраненія сей добродѣтели надобно сражаться съ собственною природою; а гдѣ, скажемъ словами Іоанна Лѣствичника, побѣждается природа, тамъ должно быть присутствіе существа, которое выше природы.

«Напрасно будешь сражаться, продолжает тотъ же св. Наставникъ, и отгонять отъ себя духа нечистоты плотской философскими доказательствами и противорѣчїями; потому что онъ можетъ и съ своей стороны представить намъ не мало съ разумомъ сходнаго и состязаться съ нами естественными доводами. Посему желающій преодолѣть плоть самъ собою, всуе течеть. Предложи ко Господу немощь естества своего и признай предъ Нимъ все твое беспіліе; тогда не чувствительно прїимешь отъ Него и даръ цѣломудрїя.»

Кромъ общей, какъ можно чаще повторяемой, молитвы о дарованїи духа цѣломудрїя, у того, кто хочетъ быть цѣломудреннымъ, по совѣту св. мужей, должна быть всегда на готовѣ краткая молитва

частная — на случай искушеній грѣховныхъ. — А именно, когда почувствуешь, говорятъ они, что въ сердце твоёмъ — отъ видѣнія ли, отъ слуха ли, или само собою — возраждается нечистое плотское вожделѣніе; то устрени тотчасъ мысль ко Христу съ молитвою о помощи и держи тамъ ее, доколѣ не получишь подкрѣпленія. Отвративъ такимъ образомъ вниманіе свое отъ искры грѣховной, запавшей въ твое сердце, ты симъ самымъ какъ бы отнимешь у нея воздухъ; и она чрезъ то угаснетъ. А когда нужно, то низойдетъ и роса благодати для ея угашенія.

Послѣ молитвы ничто такъ не ограждаетъ цѣломудріе, какъ постъ и труды. Въ самомъ дѣлѣ, отними изъ подъ котла хвращеніе, и угаснетъ огонь; отними у тѣла

роскошныя яства и сытость, и угаснетъ вождельнiе чувственности. Обремененному трудами тѣлу не до страстныхъ движенiй: оно ищетъ тогда покоя и тишины. Праздность напротивъ и нѣга суть неизсякаемый источникъ сладострастiя. Посему думающiй сохранить цѣломудрiе среди пресыщенiя и роскоши подобенъ тому, кто бы, возлежа среди блата, надѣялся остаться чистымъ. Можетъ быть онъ успѣетъ сохранить чистоту тѣлесную; но непременно лишится душевной.

Равнымъ образомъ желающему хранить чистоту души и тѣла необходимо избѣгать всѣхъ случаевъ, гдѣ она видимо можетъ подлежать очерненiю; а для сего, по примѣру св. Iова, должно положить завѣтъ съ очами, слухомъ и всѣми чувствами сво-

ими. Ибо не напрасно Пророкъ чувства наши называетъ окнами, чрезъ кои входитъ въ нашу душу смерть. Всѣ грѣхи любятъ входить сими окнами; но ничто такъ часто не входить ими, какъ похоть плоти: посему и надобно блюсти сіи окна и не отверзать ихъ безразсудно. А когда уже нельзя, почему либо, не видѣть и не слышать соблазновъ; то на таковыя случаи надобно имѣть противуядіе духовное. Такимъ средствомъ во время окружающаго соблазна, кромѣ сердечной молитвы, можетъ служить устремленіе мысли ко Кресту Христовому и его пречистымъ язвамъ, или къ собственному гробу и смерти. Такимъ образомъ ядъ соблазна обезсиливается вѣрно и скоро.

Смирненное расположеніе духа и сердца, по ученію св. Отцевъ, есть такъ же великая ограда для цѣломудрія: потому ли, что на смиренныхъ всего болѣе призираетъ Господь, — а гдѣ взоръ его, тамъ и благодать, оттуда бѣжитъ всякой соблазнъ и грѣхъ; — или можетъ быть и потому, что свойство смиренія есть понижать и подавлять въ человѣкѣ все, выходящее изъ предѣловъ; слѣд. и взыграніе плоти и крови. Гордость напротивъ и надменіе, особенно соединенные съ осужденіемъ ближняго, позамѣчанію людей опытныхъ въ духовной брани, всего скорѣе подвергаютъ самаго совершеннаго, повидимому, человѣка, искушенію отъ плотскихъ сквернъ, да накажется не превозноситься своею добродѣтелію, видя внутрь себя столь лютую язву.

Размышленіе о предметахъ духовныхъ и происходящая отсюда любовь къ нимъ, особенно любовь къ Господу и Спасителю нашему, къ его страданіямъ и Кресту, также средство къ огражденію чистоты духа и тѣла. «Цѣломудренный человѣкъ, учитъ св. Іоаннъ Лѣствичникъ, любовь любовію отражаетъ и огонь тѣлесный погашаетъ духовнымъ».

Съ другой стороны ограждаетъ цѣломудріе представленіе мукъ вѣчныхъ и огня геенскаго. Этотъ огонь самъ по себѣ будетъ жечь, а теперь можетъ охлаждать и спасать отъ огня страстей, когда живо представляемъ его. Одинъ подвижникъ, не довольствуясь представленіемъ сего огня въ умъ своемъ, рѣшился дать почувствовать предварительно жестокость его

своему тѣлу. Ты побуждаешь меня ко грѣху, сказалъ онъ; посмотримъ же, способно ли ты вынести муку, угрожающую за грѣхи! и съ сими словами положилъ персть руки на горящую свѣчу. Боль отъ огня угасила пламень плоти.

То самое, что возжигаетъ плотское похотѣніе, можетъ быть съ пользою употреблено, какъ врачество противъ страсти. «Призываетъ ли тя, вопрошаетъ св. Дмитрій Ростовскій, уязвлятися красотою лица тлѣющая во гробъ плоть? И такъ, когда сія красота начнетъ уязвлять твое сердце живая, вообрази ее во гробъ лежащую, безобразную, покрытую тлѣніемъ и смрадомъ; и она потеряетъ силу влечь тебя.»

Сими и подобными средствами должны мы ограждать себя, брат, отъ нападеній

плотскихъ помысловъ; должны, если то нужно, сражаться до крови, но исходить изъ брани побѣдителями. Ибо побѣдить непременно нужно; потому что Богъ призвалъ насъ, какъ учитъ Апостоль, *не на нечистоту, а во святость.* (*) *Ни блудники, ни идолослужители, ни прелюбодѣи, утверждаетъ онъ же, Царствія Божія не наследуютъ.* (**) И поелику таковыя люди любятъ обыкновенно обманывать самихъ себя тѣмъ, что ихъ грѣхъ не великъ, что они выполняютъ якобы только требованіе природы, что если вредятъ сколько нибудь, то себѣ, а не другимъ, при томъ имѣютъ не рѣдко сердце мягкое, состра-

(*) Сол. IV. 7.

(**) Кор. VI. 9.

дательность къ ближнимъ и другія добрыя качества, чѣмъ и успокоиваютъ себя, равно какъ и милосердіемъ Божиимъ; то Апостоль, имѣя въ виду все сіе, предваряетъ судъ свой на прелюбодѣевъ словомъ: *нелъститесь!* Вы, какъ бы такъ говорилъ онъ, надѣтесь, не смотря на свою плотскую нечистоту, при помощи нѣкоторыхъ добродѣтелей вашихъ, ускользнуть отъ гнѣва небеснаго, быть допущенными въ чистое и святое Царствіе Божіе: нѣтъ, это жалкій обманъ и самообольщеніе—*нелъститесь!* ни блудники, ни идолослужители, ни прелюбодѣи Царствія Божія не наслѣдуютъ. Почему? потому, что въ него не можетъ вникти *ничтоже скверно*. И примѣйте, гдѣ Апостоль поставляетъ блудниковъ и прелюбодѣевъ? Вокругъ идолослу-

жителя; какъ бы сіи пороки были одного и того же свойства. И они точно одинаковаго свойства: какъ идолослужитель есть прелюбодѣй; ибо сердце свое, которое должно быть посвящено одному Богу истинному, для коего оно и создано, отдаетъ идолу и такимъ образомъ нарушаетъ союзъ любви и вѣрности: такъ и прелюбодѣй есть идолослужитель, ибо вмѣсто Бога и Творца отдаетъ сердце свое твари, дѣлая изъ ней для себя кумирь студный.

Будемъ же первѣе всего хранить въ чистотѣ свое сердце, возлюбленные, дабы сохраненное отъ похоти сердце сохранило и плоть отъ нечистоты. Не будемъ полагаться ни на какую твердость свою и чистоту:» Не вѣрь, говоритъ св. Лѣвтинчикъ, брэнной своей плоти во всю свою жизнь и

не надѣйся на воздержаніе ея, дондеже не представишися Христу.» Тамъ только, гдѣ не будетъ болѣе ни какого врага,—на небѣ, у Христа и Господа нашего, можно будетъ предаться совершенному покою; а здѣсь, доколь живемъ, посреди сътей ходимъ, и потому должны непрестанно бодрствовать.

Что же, спросить кто либо, дѣлать тому, кто имѣлъ несчастіе поработить себя плотской страсти и связанъ навывкомъ грѣховнымъ?—Тоже, возлюбленный, что дѣлаемъ мы, будучи повержены въ какую либо глубокую и крутую пропасть: осмотрѣвши свое положеніе, оградивъ себя Крестомъ Христовымъ, призвавъ на помощь Бога и Ангела Хранителя, начать выходить изъ пропасти;—карабкаться, если то

нужно, руками и ногами, но восходить;—
засыпаться падающею землею и камнями,
но восходить;—чувствовать уязвленіе и боль
во всѣхъ членахъ тѣла, но восходить; —
обрываться по временамъ и падать, но па-
ки восходить. Когда будемъ поступать та-
кимъ образомъ и употребимъ съ своей сто-
роны все, что можно; то будь увѣренъ,
въ насъ явится сила и мужество не прео-
долимыя; не видимая рука поддержитъ
насъ, а вѣроятно явится и видимая помощь,
посланная отъ Того, кто оставляетъ де-
вятьдесять и девять овецъ и ищетъ въ
горахъ единой — заблудшей. Аминь.

С Л О В О

ВЪ СРЕДУ ЧЕТВЕРТЫЯ НЕДѢЛИ ВЕЛИКАГО ПОСТА.

Господи и Владыко живота моего, духъ смиренномудрїи даруй ми, рабу твоему!

Такъ многократно повторяемъ мы, если не устами то мыслию, вмѣстѣ съ служителемъ олтара. Но многіе ли на самомъ дѣлѣ желаютъ стяжать прекрасную добродѣтель смиренномудрїи? — Увы, духъ міра, духъ явной или тайной гордыни и тщеславія, до того возобладаль между самыми Христіанами, что добродѣтель смиренно

мудрїя пришла едва не во всеобщее забвеніе, и если продолжаетъ стоять въ ряду добродѣтелей; то какъ рѣдкость, бывшая когда то въ употребленіи, а теперь пригодная развѣ только для нѣкоторыхъ, особенныхъ, такъ сказать, охотниковъ до добродѣтели.

Между тѣмъ, какая добродѣтель любезнѣе для всѣхъ — смиренномудрїя? — для всѣхъ, говорю; ибо самъ Господь свидѣтельствуешь о себѣ: *на кого воззрю, токмо на кроткаго и молчаливаго и трепещущаго словесъ моихъ?* И мы сами не чувствуемъ ли особеннаго удовольствїя, когда намъ доводится имѣть дѣло, или срътиться съ человѣкомъ истинно смиренномудрымъ, особенно когда онъ украшенъ способностями?

Для того, чтобы мы любили смиреніе и не думали, что оно может унижить насъ, или помѣшать намъ на пути жизни къ нашему возвышенію, сей добродѣтели прямо обѣщана награда, и именно возвышеніе; равно какъ за противоположный порокъ — гордости прямо угрожается наказаніемъ, и именно униженіемъ: *всякъ, сказано, возносійся, смирится; смиряяй же себе, вознесется.* И поелику это говоритъ самъ Богъ, не ложный во всѣхъ словесѣхъ своихъ; то опытъ непрестанно подтверждаетъ сказанное. Сколько гордецовъ низверженныхъ, — сколько смиренныхъ — вознесенныхъ?

Но насъ ничто не трогаетъ и не можетъ привлечь къ смиренію, ни слово Божіе, ни опытъ. Гордиться, высокоумствовать, почитать себя лучше другихъ, презирать по-

добныхъ себѣ, искать первенства, отличій, все это сдѣлалось для насъ какъ бы нѣкою необходимостію. Отъ чего? отъ незнанія самихъ себя, отъ необращенія вниманія на свои недостатки. Кто знаетъ хорошо самаго себя, тотъ, какими бы ни обладалъ талантами, всегда будетъ смиренномудръ. Почему? потому что, при всѣхъ совершенствахъ нашихъ, въ насъ всегда есть множество недостатковъ, слѣд. и причинъ къ смиренію, какъ естественныхъ, такъ и отъ насъ зависящихъ. И во первыхъ примѣтите: Творецъ премудрый въ огражденіе насъ отъ гордости, даруя кому-либо отличные въ извѣстномъ родѣ таланты, всегда почти отъемлетъ у такого чело-вѣка способность на нѣкоторыя, самыя обыкновенныя вещи, или присоединяетъ къ

талантамъ какой либо видимый, ощутительный недостатокъ. Такъ напр. люди, одаренные великимъ умомъ, часто неимѣютъ ни какого дара слова; изумляющіе памятью, бываютъ бѣдны разсудкомъ; особенно красивые не рѣдко близоруки или тупы. Самыя совершенства наши, достигая скоро предѣла и встрѣчая преграду, за которую нельзя перейти, должны вести насъ къ смиренномудрію. Ты напр. отличенъ умомъ высокимъ, познаніями обширными: такъ тебѣ же болѣе и скорѣе, нежели кому другому, должно быть извѣстно, что значить весь умъ человѣческій и все наши познанія; — какъ этотъ умъ, говоря словами Соломона, съ трудомъ обрѣтаетъ и то, что на землѣ, а того, что на небесахъ, что за предѣлами чувственнаго міра,

ни познать самъ собою, ни опредѣлить не можетъ. Самая непрочность и бренность многихъ совершенствъ нашихъ такъже постоянное побужденіе къ тому, что бы не превозноситься. Ты одарена теперь здоровьемъ и красотою, кои побуждаютъ тебя выситься предъ другими: но долго ли продолжится эта свѣжесть лица, этотъ розовой цвѣтъ ланитъ и устъ, этотъ, такъ называемый небесный, а въ самомъ дѣлѣ нерѣдко адскій взглядъ? Завтра придетъ болѣзнь, и все исчезло; послѣ завтра посѣтятъ печаль и горе, и все увяло; чрезъ нѣсколько времени наступитъ преклонность лѣтъ, и ты станешь на ряду со всѣми. Не лучше ли же не отдѣляться гордостью отъ другихъ теперь, когда это все поставить тебѣ въ добродѣтель и заслугу? —

Если за симъ бросить хотя бѣглый взглядъ на наши недостатки нравственные, вспомнить о вольныхъ и невольныхъ грѣхопаденіяхъ нашихъ; то откроется неизсякаемый источникъ побужденій къ смиренію для всякаго. Ибо сколько у каждаго обязанностей не выполненныхъ, или выполненныхъ нерадиво! Сколько случаевъ къ добру, опущенныхъ не разумно, или употребленныхъ на добро, но своекорыстно и только отчасти! Сколько прямыхъ и очевидныхъ худыхъ склонностей и мрачныхъ дѣлъ! Тѣмъ паче сколько порочныхъ мыслей и чувствъ! Стоить только хотя по временамъ заглядывать въ свое сердце, пересматривать свитокъ своихъ мыслей, чувствъ и дѣяній; и всякъ увидить, какъ онъ еще малъ духомъ и нечистъ сердцемъ,

какъ далекъ отъ того, чемъ могъ и долженъ быть.

Если кому либо изъ насъ по симъ и многимъ другимъ причинамъ придетъ святое желаніе не молиться только устами о духъ смиренномудрія, а и на самомъ дѣлѣ стяжать сію Боголюбезную добродѣтель, тотъ да вѣдаетъ, что смиренномудріе есть такое состояніе души, въ коемъ она, познавъ всю слабость и нечистоту свою, бываетъ далеко отъ всякаго высокаго мнѣнія о себѣ; постоянно старается раскрывать въ себѣ все доброе, искоренять все злое, но никогда не почитаетъ себя достигшею совершенства, и ожидаетъ его отъ благодати Божіей, а не отъ собственныхъ усилій. Человѣкъ смиренномудрый всегда имѣетъ нѣкую святую недовѣрчивость къ себѣ, къ

силамъ своего ума и воли: и потому осмотрителень, скромень и тихъ во всѣхъ своихъ словахъ и дѣйствіяхъ. Онъ никогда не позволить себѣ дерзскихъ осужденій, тѣмъ паче о лицахъ и предметахъ, кои выше его, тѣмъ паче о таинствахъ Вѣры. Человѣкъ смиренномудрый особенно боится похвалъ и высокихъ достоинствъ: посему не только не ищетъ ихъ, но и радъ, когда они мимо ходять его. Онъ охотно уступаетъ другимъ первенство во всемъ, въ самыхъ дѣлахъ благихъ. Но когда нужно подать примѣръ, онъ первый. Смиренномудрый безъ огорченія, даже иногда съ радостію встрѣчаетъ неудачи и огорченія; ибо знаетъ цѣну и пользу ихъ для своего внутренняго исправленія. Потому онъ не памятозлюбивъ, всегда готовъ простить оби-

дѣвшаго и воздать ему за зло добромъ. Таковы очевидныя признаки смиренномудрія! Оно любитъ сокрывать свои добродѣтели; любитъ напротивъ обнаруживать свои недостатки, если то можетъ быть безъ соблазна для ближняго.

У кого учиться смиренномудрію? всего менѣе у мудрости земной. *Разумъ* по натурѣ своей, какъ замѣчаетъ Св. Павелъ, *кичитъ*, то есть надмѣваетъ и располагаетъ къ гордости и величанію; одна любовь чистая созидаетъ, — смиряя, соединяя, утверждая. Всего лучше учиться добродѣтели смиренномудрія у святыхъ Божіихъ человѣковъ, кои оставили намъ величайшіе образцы смиренія, какъ напр. Авраамъ, который, удостоившись чрезвычайныхъ откровеній и великаго названія другомъ Божіимъ,

непреставаль называть себя землею и пепломъ; св. Давидъ, коему ни санъ Царя, ни званіе Пророка, не воспрепятствовали сказать о себѣ: *азъ есмь червь, а не человекъ, поношеніе человекъ*; св. Павелъ, который, будучи первымъ изъ Апостоловъ по трудамъ, смиренно исповѣдуетъ, что онъ есть первый изъ грѣшниковъ. Но, что бы мы охотнѣе учились сей трудной для нашего самолюбія добродѣтели, то учителемъ смиренномудрїя взялся быть для насъ самъ Господь и Спаситель нашъ. *Научитесь*, говоритъ Онъ, *отъ мене, яко кротокъ есмь и смиренъ сердцемъ* Какого не оставилъ Онъ намъ урока, какого не подалъ примѣра въ смиренїи? При самомъ вступленїи въ міръ нашъ, Онъ, яко Владыка и Господь всяческихъ, могъ бы окружить колыбель свою,

если не роскошью, то удобствомъ; но гдѣ рождается Онъ? въ вертепъ. На чемъ возлегасть рожденный? въ ясляхъ. Се примѣръ смиренія для васъ, богатые! Иродъ воздвигаетъ на Него лютое гоненіе, Его жизнь въ опасности: чтобы послать противъ гонителя хотя одинаго изъ тѣхъ дванадесяти Легионовъ Ангель, кои готовы были всегда къ исполненію Его вѣлній? — Но Онъ, гонимый, смиренно спасаетъ жизнь свою бѣгствомъ во Египетъ. Се примѣръ смиренія для васъ, сильные земли? — Іоаннъ исходитъ на Іорданъ проповѣдывать покаяніе и совершаетъ крещеніе во оставленіе грѣховъ: тутъ ли мѣсто тому, Кто не сотворилъ ни одинаго грѣха, и для того пришелъ на землю, что бы истребить всякій грѣхъ правдою своею? — И что подумаютъ,

если безгрѣшный будетъ просить сего крещенія и получить его?—Но Господь проситъ крещенія, и пріемлетъ его смиренно отъ своего Предтечи. Се примѣръ смиренія для васъ, кои слишкомъ дорожите мнѣніемъ о васъ человѣческимъ и изъ опасенія того, что подумаютъ о васъ, уклоняетесь отъ совершенія дѣлъ благихъ! — А на Голгоѣ? Здѣсь уже не примѣръ, а можно сказать, чудеса смиренія, предъ коими всѣ наши подвиги и опыты въ смиреніи суть ничто.

И такъ ищущая смиренія душа, нѣтъ нужды намъ съ тобою много думать, кого избрать себѣ наставникомъ и образцемъ смиренія: Имъ будетъ для насъ самъ Господь и Спаситель нашъ. Для сего предадимъ себя ему всецѣло, какъ малое дитя

предается учителю, и будемъ слушать, что Онъ начнетъ внушать намъ. Люди могутъ только учить и подавать совѣты; Онъ же и научить стократъ лучше, и явить въ себѣ совершенный примѣръ того, чему поучаетъ, и подасть намъ силы исполнить выученное на самомъ дѣлѣ. Аминь.

С Л О В О

ВЪ ПЯТОКЪ ЧЕТВЕРТЫЯ НЕДЕЛИ ВЕЛИКАГО ПОСТА.

Господи и Владыко живота моего, духъ терпѣнія даруй ми, рабу твоему!

Къ сему прошенію не нужно много возбуждать просителей: ибо для кого излишенъ духъ терпѣнія? — Всѣ мы такъ или иначе—страдаемъ; у всѣхъ природа отвращается скорби и печалей; по сему каждому нуженъ духъ мужества и терпѣ-

ніа, дабы не поникнуть подъ печалію, не предаться малодушію и ропоту.

Но гдѣ взять сего духа терпѣнія? въ собственномъ сердцѣ? Ахъ, оно первое отрекается терпѣть, бѣется безпокойно при маломъ неудовольствіи, ропщетъ и стонетъ отъ боли—при сильной напасти. Въ своемъ разсудкѣ? Онъ готовъ, по временамъ, смотрѣть холодно на бѣдствія, но только по временамъ: и что изъ сего хладнаго взгляда? новая туга въ душѣ, новая тяжесть въ сердцѣ. — Уподобныхъ себѣ людей? но во первыхъ у каждаго есть свое горе; при томъ люди способнѣе раздѣлять съ нами радости, нежели скорби наши, и, раздѣляя скорби наши, способнѣе съ нами плакать, нежели осушать наши слезы. Въ обстоятельствахъ жизни? изъ нихъ то болѣе воз-

никаютъ наши огорченія, наши печали и бѣдствія; взглядъ на мѣръ человѣческой самой слабый утѣшитель. Въ природѣ и ея стройномъ порядкѣ? но самая стройность ея и благольпіе есть какъ бы укоръ нашей бѣдности. А при томъ взоръ чловѣка страждущаго, минуя то, что въ природѣ есть отраднаго и успокоительнаго, останавливается обыкновенно на томъ, что въ ней представляется мрачнаго и возмущающаго; а малоли такого?

Такимъ образомъ мысль чловѣка скорбящаго, какъ голубица Ноева, не находя нигдѣ, ни внутри ни внѣ себя, мѣста для успокоенія, естественно стремится къ небу.— Внутреннее, ни чѣмъ не заглушимое, чувство говоритъ каждому, что тамъ — горь, есть сила для укрѣпленія всякой немощи,

есть радость, способная изгнать всякую печаль, есть жизнь, которая вовсе не знает смерти и тлѣнія.

Что всего неожиданнѣе, самый нераскаянный грѣшникъ, въ минуту сильныхъ огорченій и бѣдъ, такъ же подымлетъ иногда очи къ небу и ожидаетъ себѣ помощи и духа терпѣнія. Но для чего? дабы собравшись съ силами, снова устремиться къ достиженію тѣхъ же или подобныхъ, незаконныхъ и безумныхъ замысловъ! Можно ли пожелать таковымъ духа терпѣнія? Нѣтъ, Господи, даждь имъ духа не терпѣнія, а малодушія и отчаянія въ исполненіи незаконныхъ замысловъ, да уразумѣютъ, что напрасно уклонились отъ закона твоего, вотще мнили найти у міра и плоти то, что обрѣтается у Тебе Единого. Отними у насъ

5*

смихъ духа терпѣнія, если мы будемъ употреблять его не на подвиги любви и благочестія, а на служеніе міру и страстямъ.

Молитву о терпѣніи имѣеть право приносить тотъ, кто терпитъ за правду или для правды. Господи и Владыко живота моего, духъ терпѣнія даруй рабу твоему, можетъ сказать не постыдно челоуѣкъ обремененный сѣмействомъ и бѣдностію, да не возропщу отъ тяжкаго жребія моего, да возмогу трудами рукъ моихъ воспитать дѣтей моихъ, да, томимый нуждою, не простру сихъ рукъ къ обману и хищенію. Господи и Владыко живота моего, духъ терпѣнія даруй ми, можетъ не постыдно сказать челоуѣкъ облеченный высокою властію и достоинствомъ, да возмогу проходить, какъ должно, великое служеніе мое, ничего

не забывая и не оставляя, что служить ко
благу общему, да понесу съ благодушiемъ
всю тяжесть прерѣканiй чelовѣческихъ,
да буду всѣмъ вся, не жалѣя ни силъ, ни
покоя моего, не смущаясь ни какими труд-
ностями и неудачами. Господи и Владыко
живота моего, духъ терпѣнiя даруй рабу
твоему, можетъ сказать слуга, желающiй
служить господину своему по Христiански,
до возмогу безъ ропота переносить прихо-
ти и жестокость моего Владыки, да не
соблазнюсь худыми примѣрами роскоши и
грѣха, коими окружень я, да не опущу
никогда изъ виду той вѣчной награды,
которую обѣщаль ты всѣмъ вѣрнымъ слу-
гамъ въ Царствiи твоемъ. Господи и Владыко
живота моего, духъ терпѣнiя даруй рабу
твоему, можетъ говорить самый послѣднiй

изъ преступниковъ, когда онъ, возненавидѣвъ прежній путь беззаконія, испрашиваемый даръ терпѣнія рѣшился употребить на благодушное перенесеніе заслуженнаго наказанія, на побѣжденіе въ себѣ навыка ко грѣху, на очищеніе своей жизни и совѣсти подвигами покаянія и благихъ дѣлъ.

Всѣ таковыя и имъ подобныя да просятъ смѣло духа терпѣнія и могутъ быть увѣрены, что имъ не будетъ отказано. Ибо если что угодно предъ Господемъ и Владыкою живота нашего, то это наша готовность переносить страданія и искушенія. Таковыхъ Онъ никогда не оставитъ своею помощію.

Но какъ же, скажетъ кто либо, я давно страдаю жестоко, пламенно молюсь, вопію о помощи, прошу по крайней мѣрѣ духа

терпѣнія, и не вижу его въ себѣ, не чувствую никакой отрады и мужества? — Кто бы ты ни былъ, страждущій такимъ образомъ, да будетъ вѣдомо тебѣ, что Господь слышитъ молитву твою, видитъ скорбь твою, сострадаетъ тебѣ, хранить тебя не видимо и уготовляетъ тебѣ вѣнцы и награду. Ибо какъ бы Онъ могъ не видѣть твоихъ слезъ и не сострадать имъ? — Это бы значило для Него отказаться отъ собственнаго Всевѣденія и самаго существа своего, которое есть любовь и милосердіе. — Почему же не подается тебѣ мужество и терпѣніе? — Можетъ быть потому, что для тебя надежнѣе и полезнѣе состояніе малодушія, нежели мужество, дабы ты, прошедъ и это искушеніе, позналъ все безсиліе чело-вѣческой природы и возвергъ всю надежду

свою единственно на Господа; можетъ быть даже, что испрашиваемый даръ поданъ уже тебѣ, и ты не видишь его только потому, что воображалъ получить его не въ томъ видѣ, или не въ той мѣрѣ, какъ онъ тебѣ поданъ. Въ самомъ дѣлѣ, если ты продолжаешь молиться и уповать; то въ тебѣ уже есть по крайней мѣрѣ начатокъ духа терпѣнія. Ибо сей духъ состоятъ не въ томъ, что бы не чувствовать своего безсилія и своихъ страданій, не плакать и не вопіять о помощи, не въ томъ, что бы не преклоняться подъ тяжестію бѣдъ и искушеній и никогда не падать, а что бы не пасть вовсе и не потерять вѣры и упованія. Въ ободреніе тебя на крестномъ пути твоемъ, мы можемъ и должны сказать тебѣ съ Апостоломъ одно, — что Го-

сподь ни кому и никогда не попускалъ и не попуститъ пскуиться паче, еже можетъ понести, но со искушеніемъ^ѣ всегда творитъ и избытіе.

Но мнѣ, скажетъ иной, уже ничего не осталось ожидать и желать, какъ только смерти. И что же, возлюбленный о Христвъ страдалецъ, если и смерти? Развѣ бы ты не умеръ, если бѣ былъ самымъ первымъ счастливымъ міра и когда бы все находилось въ твоей власти? смерть есть событіе не избѣжное для всѣхъ и каждаго. Объ одномъ должно заботиться всѣмъ, что бы умереть о Господь, съ истиннымъ раскаяніемъ во грѣхахъ и съ вѣрою въ Искупителя. Въ такомъ случаѣ смерть не потеря, а успокоеніе отъ трудовъ и скорбей. *Блажени мертвіи, умирающіи о Господь:*

ей глаголетъ Духъ, да почиють отъ трудовъ своихъ!

Но меня, возразить страждущій, смущаетъ не собственная смерть, а мысль о томъ, что будетъ съ моимъ семействомъ, съ кѣмъ и какъ оно, бѣдное, останется? — Останется съ тѣмъ, кто именуется себя Отцемъ сирыхъ и заступникомъ вдовиць, въ десницѣ коего всѣ жребіи человѣческіе, кто трехъ отроковъ сохранилъ невредимыми въ печи огненной, кто изъ младенца, преданнаго волнамъ рѣчнымъ, воздвигъ вождя народу Израильскому и бога Фараону. — Что будетъ съ твоимъ семействомъ? будетъ то, чего мы съ тобою не можемъ и знать, но что давно уже, отъ вѣчности, положено въ совѣтъ Божіемъ, — будетъ то, что во всякомъ случаѣ можетъ послужить къ исти-

ному его благу. И семейство твое конечно будетъ страдать и терпѣть; но сіе терпѣніе послужитъ оградой отъ соблазновъ роскоши, и можетъ быть стократно вознаградится еще въ этомъ мірѣ. Въ самомъ дѣлѣ, сколько примѣровъ, что изъ семействъ самыхъ бѣдныхъ и спротствующиыхъ выходятъ люди самые прекрасные; между тѣмъ какъ тамъ, гдѣ, по видимому, все было употреблено на воспитаніе и образованіе дѣтей, являются члены семейства, служащіе ему въ печаль и укоризну.—

Сими и подобными размышленіями, да подкрѣпляемъ себя, брат., на пути земныхъ скорбей и лишеній, воодушевляясь примѣромъ самаго Господа и Спасителя нашего, *иже, вмѣсто предлежащія Ему радости, претерпѣлъ Крестъ, о срамотѣ нерадивъ*

и тако одесную престола Божія съде, ()*
уготовляя вѣнцы для всѣхъ истинныхъ
страдальцевъ. Аминь.

(*) Евр. XII. 2.

С Л О В О

ВЪ СРЕДУ ПЯТЫЯ НЕДЕЛИ ВЕЛИКАГО ПОСТА.

Господи и Владыко живота моего, духъ любви даруй ми, рабу твоему!

Даруй; ибо *еще языки человеческими глаголю и Ангельскими, любви же не имамъ, быхъ яко мѣдь звѣнящи или кимвалъ звяцай.* —

Даруй; ибо *еще имамъ пророчество, и вѣмъ тайны вся и весь разумъ, и еще имамъ всю вѣру, яко и горы преставляти, любви же не имамъ, ничтоже есмь!*

Даруй; ибо *аще раздамъ вся имѣнія моя, и аще предамъ тѣло мое, во еже сжещи е, любви же не имамъ, ни кака польза ми есть* (*).

Такъ высоко цѣнить даръ любви св. Апостолъ Павелъ, у коего заимствовали мы слова сн. Онъ называетъ ее союзомъ или совокупностию всѣхъ совершенствъ; ставитъ ее не только превъше пророчествъ, даря языковъ и знаній, но и выше самой вѣры и надежды: *больши же сихъ любви*. Иначе и нельзя цѣнить сію добродѣтель; ибо самъ Господь Богъ нашъ, по свидѣтельству св. Евангелиста, *любви есть*, и только *предъваяй въ любви, въ Бозѣ пребываетъ, и Богъ въ немъ пребываетъ* (**).

(*) 1. Кор. XIII. 1—3.

(**) 1. Иоан. IV. 16.

Но что это за любовь, такъ высоко цѣннимая? Очевидно не та, что господствуетъ въ мірѣ; ибо и мірѣ исполненъ любовью, но какою? *Все, еже въ мірѣ, говоритъ тотъ же Апостоль, есть похоть плотская, похоть очесъ и гордость житейская* (*). Сія нечистая любовь не успокоиваетъ, а раздражаетъ, не создаетъ, а превращаетъ; отъ сей любви рушится тишина и благо семействъ; стонутъ вѣси и грады; льется иногда рѣкою кровь человѣческая. Любовь сія хуже самой ненависти мірской; ибо ненависть заставляетъ быть осторожнымъ и убѣгать сътей вражійхъ; а любовь плотская заставляетъ добровольно стремиться въ пропасть.

(*) 1. Иоан. 11. 16.

Хотите ли знать свойства чистой любви Христіанской?—Нельзя лучше изобразить ее, какъ она изображена у св. Апостола Павла. *Любы, говоритъ онъ, долготерпитъ, милосердствуетъ; любви не завидитъ; любви не превозносится, не гордится, не безчиществуетъ, не ищетъ своихъ си, не раздражается, не мыслитъ зла, не радуется о неправдѣ, радуется же о истинѣ: вся покрываетъ, всему въру емяетъ, вся уповаетъ, вся терпитъ, любви николиже отпадаетъ (*)*.

Очевидно такой любви нѣтъ въ міръ. Были все мы созданы для сей святой любви и имѣли ее нѣкогда, но не умѣли сохранить. Пришелъ духъ злобы и возмутилъ адскимъ

(*) I. Кор. XIII. 4—8.

дыханіемъ своимъ потокъ любви въ нашемъ сердцѣ. Съ тѣхъ поръ мы во враждѣ со всѣмъ міромъ и съ самими собою. Въ самомъ дѣлѣ, что теперь любовь наша? большею частію сокрытая ненависть. Если мы любимъ самага Бога; то потому, что Онъ всемогущъ и мы опасаемся впасть въ руки Его правосудія, — подвергнуться Его гнѣву и мукамъ вѣчнымъ. Отнимите пламень ада; и у многихъ угаснетъ любовь къ самому Богу. Что же это за любовь, которая имѣетъ нужду возгрѣваться отъ пламени адскаго? — Если мы любимъ ближнихъ; то потому, что они служатъ къ нашей пользѣ и удовольствію; потому что видимъ въ нихъ необходимыя орудія для своего самолюбія, своихъ страстей и прихотей. Въ противномъ случаѣ тотчасъ заступаетъ мѣсто отвраще-

ніе и даже ненависть, вражда и преслѣдованіе. Что наконецъ выходитъ изъ любви нашей къ самимъ себѣ, которая по видимому, такъ безпредѣльна и неизмѣнна? То, что мы, раболѣбствуя всю жизнь похотямъ и страстямъ своимъ, погибаемъ наконецъ тѣломъ и душою. Посему то слово Божіе, не находитъ для нашего блага другаго средства, какъ предписать намъ вмѣсто нечистой любви чистую ненависть къ самимъ себѣ. Такова наша любовь!

Кромѣ сего злополучнаго превращенія въ насъ дара любви, въ сердце нашемъ есть другое, ужасное зло,—духъ ненависти и злобы. Какъ мы ни скрываемъ этого пришельца изъ бездны, но онъ не рѣдко проглядываетъ во многомъ,—въ явной и тайной гордости, съ коею небрежно пре-

зираемъ подобныхъ себѣ и нетерпимъ вы-
сшихъ себя, — въ постоянной зависти къ
малѣйшему совершенству ближнихъ, осо-
бенно когда его нѣтъ въ насъ самихъ, —
въ нѣкоемъ злорадствѣ при огорченіяхъ и
неудачахъ не только чуждыхъ намъ людей,
но самыхъ ближнихъ и друзей нашихъ.
Пламень прирожденной злобы, въ насъ
гнѣздящійся, хотя сокрывается во глубинѣ
духа, подобно огню подземному производитъ
нерѣдко ужасные взрывы и потрясенія,
отъ конхъ превращаются дома, грады и
цѣлыя Царства. У него есть при томъ, какъ
у огня подземнаго, постоянныя отверстія
на поверхности устъ нашихъ, въ кои вы-
ходитъ чадъ изъ *студенца бездны*, (*) въ

(*) Апок. IX. 2.

видѣ словъ бранныхъ и зловонныхъ. Въмѣстѣ съ симъ чадомъ извергаются, какъ камни изъ горъ огнедышущихъ, брани и ссоры нерѣдко за самыя ничтожныя и пустыя вещи, — распри и ненависти между такими лицами, кои связаны всѣмъ, что природа и дружество имѣютъ у себя самага крѣпкаго. Наконецъ какъ огненная лава, текутъ обманы нагмыя, явныя хищничества, жестокости и убійства, особенно во времена браней и междоусобій.

Взирая съ сей стороны на мїръ человѣческой, оцущая вокругъ себя бурное дыханіе злобы и ненависти, усматривая въ собственномъ сердцѣ николѣже оскудѣвающей источникъ злобы и лукавства, кто не почувствуетъ нужды возвестъ оны къ небу и вмѣстѣ съ св. Ефремомъ воззвать: Господи

и Владыко живота моего, духъ любви даруй ми рабу твоему! Даруй, да не увлекусь всемірнымъ потокомъ самолюбія и зависти, да возмогу любить всѣхъ, кого ты любишь, любить такъ, какъ Ты любишь, не тою мірскою любовію, которая во всемъ ищетъ своихъ си, а любовію возлюбленнаго Сына Твоего, которая готова положить душу за братію, тѣмъ паче умѣетъ сносить всѣ недостатки ближняго и оскорбленія, готова прощать и любить самыхъ враговъ своихъ!—

Но ожидая и испрашивая такимъ образомъ огня чистой любви свыше, мы, братіе, и сами не должны оставаться въ бездѣйствіи, а уготовлять души и сердца свои, какъ свѣтильники, къ тому, что бы огонь небесный, сошедъ на нихъ отъ Духа Св., могъ удобно воспламенить ихъ. Въ чемъ

должно состоять сіе приготовленіе? послѣ молитвы, всего болѣе въ размышленіи о любви Божіей и о томъ блаженномъ союзѣ, конемъ во Христѣ связаны неразрывно все потомки Адамовы.

Въ самомъ дѣлѣ, Отецъ небесный объемлетъ своею любовію всехъ чловѣковъ; онъ сіяетъ солнце свое равно на праведныя и неправедныя; мы именуемъ и хотимъ быть чадами его: если именуемъ не напрасно, если хотимъ быть чадами не на словахъ токмо, а и на самомъ дѣлѣ; то какъ намъ ненавидѣть тѣхъ, конхъ любить общій Отецъ нашъ?—

Единородный Сынъ Божій, возлюбленный Спаситель нашъ, пришелъ на землю и умеръ для спасенія всехъ; любовь Его къ бѣднымъ грѣшникамъ не отвергаетъ ни

кого, ни мытаря, ни прелюбодѣевъ ; Онъ подалъ прощеніе со Креста самымъ распинателямъ своимъ и молился за нихъ. Мы сознаемъ себя грѣшниками; хотимъ, чтобы грѣхи наши были очищены Его кровію, прикрыты Его заслугами: услышится ли наша молитва о семъ, подастся ли намъ прощеніе во грѣхахъ нашихъ; если мы не будемъ подражать великодушію и любви нашего Искупителя, не отпустимъ долговъ ближнимъ нашимъ, кои, въ сравненіи съ нашими долгами, составляютъ такую малость?—

Духъ Св., коимъ знаменовались мы въ купели крещенія и отъ коего получили обрученіе живота вѣчнаго, положилъ драгоценное, неизгладимое знаменіе свое не на однихъ насъ и не на однихъ тѣхъ, кои любезны намъ, но на всѣхъ и каждомъ;

Онъ силенъ изъ Савла содѣлать Павла, изъ мытаря—Евангелиста, изъ разбойника на Крестъ висящаго—наслѣдника рая: будемъ ли мы послѣ сего смотрѣть на кого либо, какъ на отверженнаго? лишать совершенно любви своей того, кто не лишень знаменія и любви Духа Святаго?—

И къ чему стремимся мы? къ наслѣдію Царствія небеснаго, въ которое не можетъ вйти никакая злоба и ненависть. Посему еслибы кто либо изъ ближнихъ нашихъ и заслуживалъ своею нечистою нашъ гнѣвъ; то мы не должны питать къ нему ненависти изъ любви къ намъ самимъ, дабы сія ненависть, какъ вещь запрещенная, не помѣшала намъ войти въ царство любви и мира.

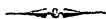
Подобными размышленіями брат., должны мы разогрѣвать хладное сердце свое

для любви къ ближнимъ, и такимъ образомъ пріуготовлять его для принятія огня любви небесной отъ самаго Духа Св., твердо памятуя, что доколь сей огнь не низойдетъ на насъ, душа наша можетъ теплѣть, разгорячаться, даже дымиться, такъ сказать, любовію ; но никогда не произведетъ изъ самой себя чистаго, постояннаго и не угасающаго пламени любви Христовой. Аминь.

С Л О В О

ВЪ ПЯТОКЪ ПЯТЫЯ НЕДѢЛИ ВЕЛИКАГО ПОСТА.

Господи Царю, даруй ми зрѣти моя прегрѣшенія и не осуждати брата моего, яко благословенъ еси во вѣки вѣковъ!

Что бы казалось легче и естественнѣе для человѣка, какъ зрѣть собственныя свои прегрѣшенія? — Но видно это не собственность наша, а даръ, и даръ не малый, когда его просить для себя и такой великій Подвижникъ, какъ св. Ефремъ.

Подлинно, сей даръ нисходитъ только свѣше, и весьма нуженъ для всѣхъ и каждаго. Во всѣхъ насъ есть какоето не постижимое отвращеніе отъ того, чтобы зрѣть свои прегрѣшенія. Можетъ быть это знакъ, что грѣхъ не свойственъ природѣ нашей; но во всякомъ случаѣ это крайне пагубно для насъ: ибо какъ я займусь исправленіемъ своей жизни, если не знаю, что во мнѣ худаго и въ чемъ состоятъ грѣхи мои? — О семъ то однакоже познаніи менѣе всего заботятся. Тутъ оставляетъ человѣка даже врожденное ему любопыство, такъ что вы найдете множество людей, кои, подобно Соломону, пересмотрѣли все отъ кедра до уссопа, и ни разу не разсматривали самихъ себя хотя столько, какъ они разсматриваютъ какое либо насѣкомое или

травку. Судя по сему можно бы даже подумать, что человекъ не навидитъ себя и потому не хочетъ знать. Между тѣмъ онъ любить себя болѣе всего, и во всемъ ищетъ только себя; все относитъ къ себѣ; видимо и непрестанно занимается собою: по разсматривать свой характеръ и поведеніе, свое сердце и совѣсть, къ этому нѣтъ у человека охоты; въ семъ отношеніи онъ готовъ заняться чемъ угодно, только бы не самимъ собою; готовъ дни и недѣли проводить надъ разбираниемъ самыхъ маловажныхъ вещей, только бы не быть принужденнымъ бесѣдовать съ своею совѣстію.

Въ самомъ дѣлѣ, многоли употребляемъ мы времени на испытаніе своей совѣсти даже предъ исповѣдію, когда нужно бываетъ дать предъ служителемъ алтаря,

или паче предъ самимъ Спасителемъ нашимъ, отчетъ въ нашемъ поведеніи, и выслушать приговоръ съ разрѣшеніемъ или осужденіемъ насъ на всю вѣчность?—много, если употребляемъ на сіе важнѣйшее дѣло нѣсколько часовъ. А сколько часовъ, дней, недѣль и мѣсяцовъ употребляется нами на предметы самые не важные для души и совѣсти, на мелкіе счета и отчеты по хозяйству, на разсмотреніе какой либо книги или древности, на составленіе плана для какихъ либо увеселеній, на продажу или покупку нѣсколькихъ животныхъ? Напрасно Слово Божіе непрестанно повторяетъ намъ, что душа наша безконечно важнѣе тѣла, и что если погубимъ душу, то ничто не поможетъ, хотя бы пріобрѣли цѣлый міръ; напрасно Пастыри и Учители Церкви вну-

6**

шають намъ, что не надобно пренебрегать грѣховныхъ ранъ сердца, что онъ, оставленныя безъ вниманія, содѣлаются неизцѣльными и причинять смерть душъ; напрасно внутренній человекъ нашъ, брошенный безъ помощи, подымлетъ иногда главу и стопами своими напоминаетъ намъ, что внутри насъ смерть и пагуба: мы глухи и слѣпы ко всѣмъ симъ внушеніямъ и указаніямъ; бросивъ бѣглый взглядъ на мрачную картину своего бытія, поправивъ въ ней иногда нѣкоторыя черты, слишкомъ уродливыя, тотчасъ закрываемъ ее отъ самихъ себя завѣсою забвенія. Кто же послѣ сего можетъ возбудить насъ отъ пагубнаго нечувствія и невниманія къ самимъ себѣ, если самъ Господь не придетъ къ намъ и не коснется сердца нашего своею

всемощною Благодатию? — Но сію благодать надобно испросить усердною молитвою, безъ чего она, если и прїдетъ къ намъ, то не найдетъ себѣ у насъ входа и мѣста. Посему то человекъ, начинающій ощущать нужду въ познаніи нечистоты и грѣховъ своихъ, долженъ какъ можно чаще обращаться съ молитвою ко Господу и вопіять изъ глубины души: *Господи Царю, даруй ми зрѣти моя прегрѣшенія!* Сними съ умственныхъ очей моихъ бѣльмо самолюбія, да вижу всю черноту моихъ преступныхъ дѣяній; направь Самъ душевное мое зрѣніе на мою совѣсть, да не скользитъ оно и не разсѣвается по предметамъ для меня чуждымъ, хотя и обольстительнымъ! — Ибо что пользы, если я буду знать все, а не познаю самого себя? Что пользы, если я

совершу дѣла великія и громкія, коимъ будетъ дивиться свѣтъ, а не исправлю своего сердца, не очищу совѣсти, не приготовлю себя для вѣчности? — Пусть лучше останется для меня въ неизвѣстности все, что происходитъ въ свѣтъ, какъ падаютъ и возвышаются Царства, но да не остается невѣдомымъ то, что совершается въ моемъ сердцѣ и совѣсти, какъ падаю и какъ долженъ вставать отъ паденія я самъ.

При пагубной невнимательности къ себѣ и состоянію души своей; въ чловѣкѣ есть другая крайность — несчастная склонность къ осужденію своихъ ближнихъ. Не говоримъ уже о слабомъ полѣ, у коего склонность къ пересудамъ ближнихъ дѣлается нерѣдко господствующею страстію, самые мужи, отъ коихъ ожидалось примѣровъ со-

вершено противнаго, и они, наряду съ немощными сосудами, раболѣбствуютъ сему недугу. И откуда берется въ семъ отношеніи дальнозрительность у самыхъ близорукихъ умомъ! Откуда смѣтливость и тонкая сообразительность у самыхъ косныхъ на всѣ прочія сужденія! Откуда неутомимость въ изслѣдованіи чужихъ дѣлъ и намѣреній у самыхъ недѣльныхъ!

И здѣсь такъ же въ людяхъ не безъ страннаго противорѣчія. Облеките сихъ самозванныхъ судей и пересудчиковъ обязанностию судить грѣхопаденія ближнихъ по законамъ: они скоро потеряютъ терпѣніе и будутъ тяготиться своею обязанностию, показывать небрежность въ ея выполненіи, хотя это со вредомъ для блага общественнаго. А безъ обязанности, дома, въ празд-

ной бесѣдѣ, сіи же люди всегда готовы, не утомляясь судить и пересуждать весь свѣтъ.

Самая добродѣтель и порокъ не производятъ въ насъ въ отношеніи къ склонности осуждать ближняго, почти ни какого различія. Человѣку набожному напр. во все не прилично заниматься не только осужденіемъ, но и сужденіемъ о грѣхопаденіяхъ своихъ ближнихъ; ибо если кто, то работающій Господеви, долженъ знать, что *имъ же судомъ судитъ чловѣкъ ближняго, себе осуждаетъ* (*). Но многіе ли изъ людей набожныхъ совершенно свободны отъ несчастной склонности осуждать при каждомъ случаѣ ближняго?

(*) Мат. VII. 2.

У нѣкоторыхъ напротивъ набожность служитъ какъ бы вмѣсто признаннаго всѣми права видѣть и указывать сучець, находящійся въ очію брата. Подобное съ людьми явно порочными и обезславленными. Собственные грѣхи и чернота должны бы на всегда запечатлѣть имъ уста и заставить смотрѣть долу. Но они — то первые готовы кричать на весь свѣтъ, о томъ, что замѣтить въ васъ, прибавляя отъ собственнаго запаса зла то, чего не достаетъ къ худости вашего поступка.

Послѣ сего не удивительно, если истинно добрый Христіанинъ, чувствуя на ряду съ другими въ падшей природѣ своей склонность къ осужденію ближняго, и видя невозможность самому собою всегда удерживать языкъ отъ злорѣчія, обращается съ молитвою ко Господу о томъ, что бы ему

дарована была благодать — зрѣти своя прегрѣшенія и не осуждати брата своего! Довольно, Господи, съ меня моихъ собственныхъ грѣховъ и язвъ внутреннихъ, кои еще не осмотрѣны, не изчислены, остаются безъ уврачеванія и со дня на день дѣлаются глубже и неизцѣльнѣе; а до грѣховъ чуждыхъ, коль скоро согрѣшающіе не зависятъ отъ меня, какая мнѣ нужда? Есть у нихъ свой судія и вмѣстѣ врачъ, твоя правда и твоя любовь. Стоятъ ли они? Тебѣ, своему Господу, стоятъ. Падаютъ ли? Тебѣ, своему Господу, падаютъ. И Ты всегда силенъ возставить ихъ. Сколько грѣшниковъ посредствомъ покаянія содѣлались людьми святыми! Можетъ быть и осуждаемые мною уже престаи отъ грѣха, давно начали свое покаяніе, и уже оправ-

даны Благодатию Твоею: а я буду продолжать преслѣдовать ихъ злорѣчіемъ и подобно діаволу, клеветать на нихъ, теперь уже невинныхъ и оправданныхъ Тобою? — Да сохранишь меня отъ сего Благодать Твоя, и да подашь вмѣсто осужденія ближняго, зрѣти моя прегрѣшенія, зрѣть не хладнымъ окомъ чуждаго зрителя, а какъ взирають на свою нищету, на свои раны, на собственную смерть, зрѣть и плакать о зримомъ, зрѣть и врачевать гнилость души, зрѣть и употреблять всѣ средства не впадать въ новые грѣхи и въ новую пагубу!

Если бы кто за симъ спросилъ: какое надежнѣйшее средство къ тому, что бы, при помощи Благодати Божіей, пріучить себя зрѣть свои прегрѣшенія; тому ска-

жемъ, что лучшее средство принудить себя къ тому (съ намѣреніемъ говоримъ — *принудить*; ибо безъ принужденія и всякое благое дѣло, тѣмъ паче сіе никогда не совершится) состоитъ въ томъ, что бы назначить извѣстное, хотя краткое, время именно на разсматриваніе своихъ поступковъ и чувствъ, назначить такъ, чтобы оно не было уже употребляемо ни на что другое. Такимъ образомъ мы поставимъ себя въ необходимость заниматься самими собою; а занимаясь постоянно, если не вдругъ, то съ продолженіемъ времени, непременно узнаемъ, каковы мы, какая въ насъ господствующая страсть, чемъ недугуетъ нашъ умъ и сердце. Совѣтъ сей можетъ показаться не исполнимымъ для тѣхъ, кои не виравъ расплагать своимъ временемъ.

Но во первыхъ нѣтъ человѣка, у коего бы во все не было своего времени; а здѣсь его не много и нужно; во вторыхъ — если не можешь располагать временемъ, то располагай мыслями: этого никто не можетъ отнять у тебя. Ты напр. слуга, долженъ всякой часъ быть готовымъ исполнять приказаніе господина; но, среди самаго исполненія ихъ, у тебя есть не мало возможности обратить мысль на самаго себя, на свою жизнь, на свои грѣхи. Симвъ святымъ занятіемъ наполнялось бы даже у тебя множество праздныхъ промежутковъ времени, въ которые ты не знаешь, что дѣлать, скучаешь, предаешься злорѣчію, или еще худшему.

Какъ приучить себя съ другой стороны не осуждать брата своего, то есть, вся-

каго ближняго? — Во первыхъ смотри всегда на согрѣшающаго собрата, какъ на больнаго; потому что грѣхъ есть дѣйстви-тельно болѣзнь, худшая всѣхъ болѣзней. При такомъ взглядѣ страсть къ осужденію непременно будетъ хладѣть и гаснуть. Ибо осуждаемъ ли мы больнаго, кто бы онъ ни былъ? Нѣтъ, мы чувствуемъ къ нему невольное состраданіе. Во вторыхъ, должно поставить себѣ за правило, увидѣвъ что либо худое въ ближнемъ, или услышавъ о томъ, тотчасъ мысленно помолиться за него. Это каждому и завсегда весьма легко дѣлать; а между тѣмъ это сильнѣйшее средство противъ духа осужденія, который не терпитъ молитвы и бѣ-жить отъ нея.

Когда мы будемъ такимъ образомъ сами дѣлать свое дѣло по силамъ, будемъ приучать себя къ тому, чтобы смотрѣть на свои паденія, а не на грѣхи ближняго: то Господь подастъ намъ и Благодать свою, съ которою намъ можно будетъ достигнуть того вождельннаго состоянія, въ коемъ знаютъ только себя и свои грѣхи, и не вѣдаютъ, есть ли въ мѣръ хотя одинъ подобный грѣшникъ. Аминь.

СЛОВО

ВЪ СРЕДУ ШЕСТЫЯ НЕДѢЛИ ВЕЛИКАГО ПОСТА.

Кончилась, брат., молитва св. Ефрема. Окончатся и наши собесѣдованія о ней. Ужели кончится вмѣстѣ съ симъ и духъ молитвы и собесѣдованій? — Да не будетъ! — ибо если такъ, то напрасно проведено здѣсь время; напрасно и мы выходили предъ васъ и расточали мысли и слова наши; напрасно и вы собиравшись въ такомъ множествѣ, стояли не малое время въ такой тѣснотѣ, слѣдуя за нами взорами и мыслию вашею. Но, если видѣнное нами въ васъ во время св. Поста, можетъ

служить порукою за будущее; то мы въ правѣ имѣть не столь печальныя надежды. Ибо что мы видѣли? постоянное, усердное расположеніе къ св. Церкви и слушанію поученій; видѣли глубокое благоговѣніе къ предметамъ священнымъ и вниманіе къ дѣлу своего спасенія; слышали частые вздохи при напомнаніи о грѣхахъ, были неразъ свидѣтелями даже слезъ вашихъ. Возможно ли, что бы все это разсѣялось и исчезло, не оставивъ слѣда? Не нашихъ какихъ либо трудовъ жаль намъ было бы при семъ, брат. Много ли мы трудились и не вознаграждаетъ ли подобный трудъ самъ себя? Нѣтъ, намъ жаль было бы въ такомъ случаѣ васъ и душъ вашихъ. Ибо если бы хожденіе въ Церковь и слушаніе поученій, продолжавшіе-

ся столько времени, не оставили по себѣ никакаго слѣда въ нашихъ нравахъ и жизни; то это значило бы, что сердца наши подобны камнямъ, на коихъ что ни сѣи, не дождешь ни какого плода, на коихъ, если что и всходитъ, то неимѣвши углубленія въ корнѣ, скоро иссыхаетъ потомъ — бесплодно. Это значило бы, что мы находимся въ глубокомъ ослѣпленіи и безжалостно обманываемъ самихъ себя: ибо когда наступитъ время поста, притихаемъ во злѣ, оставляемъ угожденія плоти и рабство страстямъ, обращаемся, по видимому, къ Богу; а когда пройдетъ постъ и паки предстанетъ міръ съ его отравою, то бѣжимъ стремглавъ къ сему врагу, пьемъ до дна подносимую намъ отраву, отдаемъ ему въ жертву то, что успѣли пріобрѣсти добраго.

Какого же плода, спросите, ты требуешь отъ насъ, и что хочешь, чтобы произвели въ насъ бесѣды твои? Не наши бесѣды, возлюбленные. Если бы мы надѣялись на свое слово и свой умъ; то никогда бы не рѣшились разверсть предъ вами уста своихъ. Но мы увѣрены, что съ нами, на семь мѣстъ, всегда не видимо Тотъ, кто избралъ насъ недостойныхъ въ дѣло служенія и *поручилъ намъ слово спасенія*, (*) Кто даетъ, когда нужно, уста и премудрость самымъ буимъ міра, Кто словомъ своимъ можетъ воздвигнуть отъ камня чада Аврааму, и изъ самаго ожесточеннаго грѣшника содѣлать сосудъ въ честь. Въ насъ есть увѣренность, что когда мы совершаемъ свя-

(*) 2. Кор. V. 19.

ценнодѣйствіе благовѣствованія Христова, и оглашаемъ своими словами слухъ вашъ, въ тоже время дѣйствуетъ надъ сердцами вашими благодать Духа Святаго, Того общаго всѣхъ насъ Наставника, который посредствомъ рыбарей и мытарей обратилъ изъ тьмы въ свѣтъ, изъ области сатаны къ Богу цѣлую вселенную, который можетъ тронуть не только самое закопченное во грѣхъ сердце, но и превратить его на сердце новое, чистое и святое. При такихъ великихъ и всемогущихъ дѣйствителяхъ почему не ожидать и дѣйствія могущественнаго и великаго? Почему не ожидать самыхъ чудесъ обращенія? — Въ самомъ дѣлѣ, развѣ рука Господня сократилась? Развѣ у Спасителя нашего не осталось для насъ крови очистительной, а у Духа — огня

просвѣщающаго? — Не мните же, что вы не обязаны ни къ чему важному; потому, что слушали человѣка, вамъ подобнаго. Пусть человѣкъ сей будетъ далекъ отъ совершенства, пусть будетъ самымъ послѣднимъ изъ грѣшниковъ; но онъ вѣщаль вамъ о имени Господнемъ, вѣщаль не отъ себя, а отъ лица Спасителя вашего; вмѣстѣ съ Нимъ дѣйствовалъ на васъ самъ Духъ истины и Благодати. Пренебречь такимъ дѣйствиємъ значитъ забыть о спасеніи души своей.

Не забывайте же сего возлюбленные! Не будьте подобны человѣку, который посмотрѣвшисъ въ зеркало и увидѣвъ лице свое и черныя пятна на немъ, вмѣсто того, что бы тотчасъ умыться, отшелъ и забылъ,

что видѣль, и что надобно ему было сдѣлать.

Изъясимся прямѣе. Предъ вами, по мѣрѣ силъ нашихъ, изображены пороки, кои безобразятъ душу нашу, и коихъ потому всемѣрно надобно избѣгать Христіанину; изображены и добродѣтели, кои могутъ украсить все существо наше, и кои потому самому надобно, во что бы то нибыло, стяжать и хранить до конца жизни. Быть не можетъ, что бы не только наше слово, но и собственная совѣсть ваша, не говорила вамъ, что и въ васъ, какъ и въ прочихъ людяхъ, есть сѣи пороки, и немалой недостатокъ въ сихъ добродѣтеляхъ. Не должно ли послѣ сего, если мы не почитаемъ за ничто и пороковъ и добродѣтелей, — принять всѣ возможные мѣры къ искоре-

ненію въ насъ первыхъ, и къ насажденію и укрѣпленію послѣднихъ? — И такъ, кто любилъ досель празднословить и кощунствовать, да научится отсель полагать словамъ своимъ въсь и устамъ затвору. Кто любилъ предаваться праздности и губилъ драгоценное время въ забавахъ, да изыщеть полезное, сродное своему состоянію и способностямъ занятіе. Кто увлекался слѣпо мечтами честолюбія, да возлюбитъ смиреніе и престанеть гоняться за призракомъ хвалы мірской. Кто привыкъ встрѣчающіяся въ жизни искушенія срътать ропотомъ и жалобами на свою судьбу, да встрѣчаетъ ихъ отсель преданностію въ волю Божию, яко врачество полезное для души. Кто былъ въ отношеніи къ другимъ суровъ, жестокъ и не любовень, да прииметь

противный образъ обхожденія и дѣйствій. Кто забывалъ свои грѣхи, и любилъ смотреть на чуждые недостатки, да престанетъ видѣть сучецъ въ очесъ брата, и да научится извлекать бревно изъ собственнаго глаза.

Когда послѣдуетъ такая переменна съ нами; тогда можно будетъ сказать, что настоящій св. постъ прошелъ для насъ не безъ пользы, что мы не напрасно посѣщали храмъ, не напрасно слушали поученія. Тогда и мы возблагодаримъ Господа, что Благодать Его удостоила насъ послужить дѣлу вашего спасенія. А доколь не произойдетъ сего, то, и окончивъ, по видимому дѣло, мы съ вами стоимъ еще на распутіи между успѣхомъ и неудачею, между потеряю и приобрѣтеніемъ. Стоять безъ сомнѣнія и свѣтонос-

ные духи добродѣтелей и мрачные духи пороковъ, и ожидаютъ теперь, къ кому изъ нихъ мы обратимъ лице свое, за кѣмъ поидемъ въ слѣдъ. Не заставимъ же, брат. ихъ въ недоумѣнїи долго взирать на насъ. Что медлить? въ чемъ сомнѣваться? поидемъ за Ангелами Божиими путемъ любезныхъ имъ добродѣтелей въ Царствїе Божїе, дабы, окружая насъ и сопутствуя намъ въ продолженїи жизни нашей, они явились къ намъ и при исходѣ изъ тѣла души нашей и сопроводили насъ на лоно Авраамле. Отвратимся однажды и навсегда отъ темныхъ аггеловъ грѣха и пороковъ, извергнемъ изъ души и сердца своего, чрезъ покаянїе и исповѣдь, все, что занято отъ нихъ Богопротивнаго и душевреднаго, дабы въ противномъ случаѣ они не предста-

ли у смертнаго одра нашего и неповлекли бѣдную душу нашу, какъ свою собственность, въ глубины адовы.

Господь, давшій силу немощи нашей, возвѣститъ вамъ путь истины и правды, да даруетъ и вамъ хотѣніе и силу вступить на сей путь съ бодростію и шествовать по нему безъ преткновенія. О ссмъ не престанемъ молить его Благость выну, — доколѣ не оскудѣетъ слово во устахъ нашихъ. Аминь.

О Г Л А В Л Е Н І Е.

	Стр.
Слово въ среду первыя недѣли великаго Поста. . .	5
Слово въ пятокъ первыя недѣли великаго Поста. . .	20
Слово въ среду вторыя недѣли великаго Поста. . .	33
Слово въ пятокъ вторыя недѣли великаго Поста. . .	52
Слово въ среду третія недѣли великаго Поста. . .	69
Слово въ пятокъ третія недѣли великаго Поста. . .	83
Слово въ среду четвертыя недѣли великаго Поста. . .	96
Слово въ пятокъ четвертыя недѣли великаго Поста. . .	110
Слово въ среду пятыя недѣли великаго Поста. . .	123
Слово въ пятокъ пятыя недѣли великаго Поста. . .	136
Слово въ среду шестыя недѣли великаго Поста. . .	152

